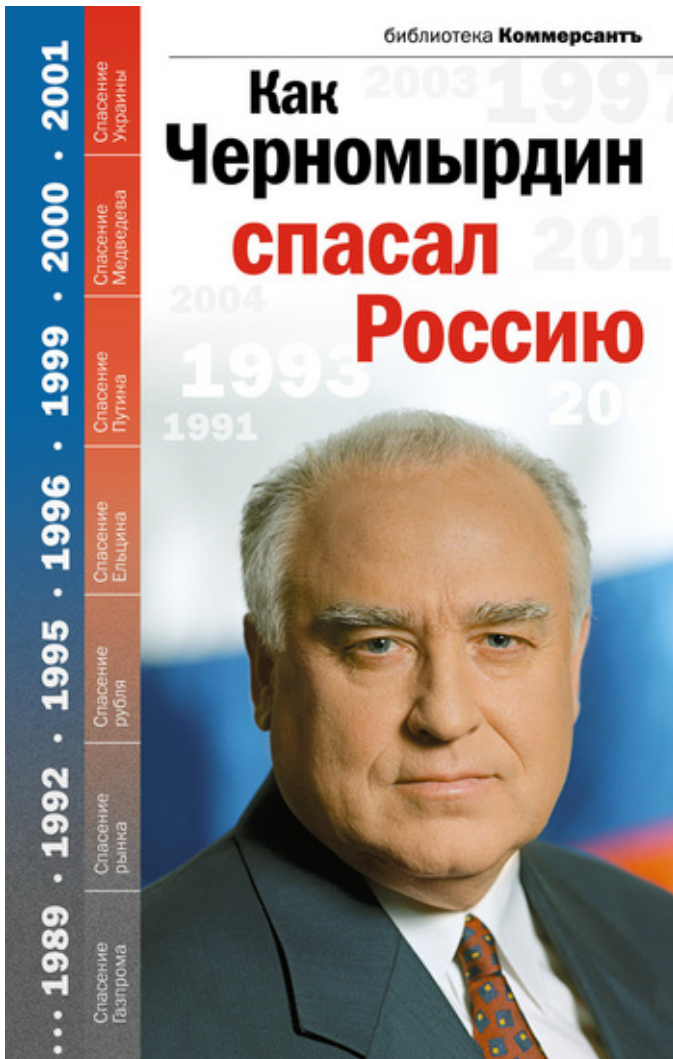

**Валерия Т. Башкирова
Александр Соловьев
Как Черномырдин спасал Россию**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=570615
Как Черномырдин спасал Россию. : Эксмо; Коммерсантъ; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47008-2*

Аннотация

Главным содержанием даже не карьеры – жизни – Виктора Степановича Черномырдина оказалась работа спасателя. Он был главным спасателем страны еще до того, как в его правительстве появилось МЧС, и не переставал им быть никогда. Именно он создал крупнейшую в мире газовую корпорацию «Газпром», а затем стал первым избранным председателем правительства новой России. И это он проявил простое человеческое благородство, не используя реальную возможность узурпировать власть в момент болезни президента Бориса Ельцина. Он примирил Россию и Европу в период Югославской войны 1999 года, а затем, будучи российским послом на Украине во времена взаимного политического отторжения двух братских стран, стал почти национальным украинским героем.

В памяти россиян он остался «тем премьером», который любил играть на баяне, охотиться на медведей и рулить комбайном. Его называли «Степанычем» и, наверное, даже любили за уникальное, непостижимое чувство юмора и за его неподражаемые, ставшие крылатыми фразы – «хотели как лучше, а получилось как всегда», «какую партию ни строй, все равно КПСС получается», «отродясь не бывало, и вот опять», «лучше водки хуже нету»...

А это означает, что Виктор Степанович Черномырдин вошел в историю современной России не только как государственный деятель, но и как герой анекдотов. То есть навсегда.

Для широкого круга читателей.

Содержание

От издателя	4
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Как Черномырдин спасал Россию

Составители: В.Ю. Дорофеев, А.В. Соловьев, В.Г. Башкирова

В 1995 году ЦРУ направило в Белый дом секретный доклад, основанный на собственном обширном досье, в котором были перечислены факты, свидетельствовавшие о коррумпированности Виктора Черномырдина. Согласно данным ЦРУ, за время пребывания в должности председателя правительства РФ Черномырдин скопил на своих личных счетах миллиарды долларов. Когда секретный доклад о Черномырдине попал к вице-президенту Альберту Гору, тот отправил его назад с емкой резолюцией: «Bullshit!» – «Херня!»

*«Виктор Степанович работал со мной бок о бок шесть лет, а потом я его сдал... Сдал его! А он теперь сидит здесь (празднование 75-летия Б. Н. Ельцина. – Ред.). Он не обиделся, потому что понял...»
Б. Н. Ельцин*

От издателя

Никто точно не скажет, что именно сделал Виктор Степанович Черномырдин (далее – ЧВС или Степаныч) для процветания России. Но многие запомнили, что экс-премьер носил вязаные кофты, любил играть на баяне и рулить комбайном.

Вряд ли кто уже знает, что подделывал ЧВС в Америке, встречаясь с вице-президентом Альбертом Гором. Но кто-то вспомнит, что однажды зимой в Ярославской области Черномырдин убил на охоте медведицу.

Речи Черномырдина, как правило, утрачивали смысл сразу же после выключения микрофона. Но страна не скоро забудет придуманные им афоризмы вроде «лучше водки хуже нету».

Вместе с ним страна требовала, чтобы чеченский террорист Басаев «говорил громче». Вместе со Степанычем, который «не за базар, а за рынок», страна познавала азы капиталистической экономики. Он знакомил население России с ее новой экономической географией: «В Якутии банкиры не нужны, там копать надо». Посвящал в самые сокровенные государственные тайны: «Мы правительство, нам думать не надо». Вместе с ним многие, «к сожалению, не читали книг»: «подписываемые документы прочесть бы успеть», и повторяли со вкусом: «Все это абсурд, но мне придется это выполнять», «Я не знаю случая, когда нам надо, а не получается».

До всенародной славы ему оставалось совсем чуть-чуть: стать либо президентом, либо героем анекдотов. Последнее надежнее.

Глава 1

Спасение «Газпрома». Наследник СССР

Правительства многих республик откровенно саботировали решения союзного кабинета министров, объявляя их вмешательством в свои внутренние дела. Только «Газпром» пока еще надежно контролировал все свои трубы и месторождения на территории всего СССР.

Спасать Россию Виктор Степанович Черномырдин начал еще в 1989 году. Будучи министром газовой промышленности СССР, Черномырдин добился преобразования министерства в Государственный газовый концерн (ГТК) «Газпром», который монополизировал 95% добычи природного газа и 100% серы страны. На тот момент Советский Союз еще держался, но стремительно терял всех своих сателлитов в Восточной Европе. Варшавский договор рушился, советские войска покидали подконтрольные территории, и только газпромские трубы оставались агентами большевистского влияния за рубежом.

Виктор Черномырдин был практиком, крепким хозяйственником – и обладал невероятным, каким-то звериным чутьем на перемены. Вот как об этом вспоминал бывший и. о. председателя правительства России Егор Гайдар в книге М. Зыгаря и В. Панюшкина «Газпром: новое русское оружие» (отрывок из которой был опубликован в журнале «Власть»):

«Егор Гайдар, бывший и. о. премьер-министра, если спросить его, как и зачем Черномырдин создал “Газпром” из советского газового министерства, отвечает: “Черномырдин не глупый. Он понимал, что старая министерская система управления разваливается. Советское министерство – это была система, жестко привязанная к авторитарной власти. Министерство жило, пока выполнялись команды. Для того чтобы выполнялись команды, нужна вооруженная власть. Каждый человек должен был понимать, что, если он не станет выполнять команд, вооруженная власть посадит его в тюрьму или убьет. Как только вооруженная власть ослабла, управлять командными методами стало невозможно. А она ослабла к середине 80-х годов. И Черномырдин придумал, что ради сохранения газовой отрасли заставлять людей работать можно не силой, а из интереса. Он придумал, что человек будет работать не потому, что его иначе посадят в тюрьму, а потому, что ему кажется, будто ему самому выгодно выполнять указания, полученные от начальства”».

На самом деле словом «придумал» Гайдар описывает сложнейшую реорганизацию огромной структуры, которая и сейчас-то насчитывает полмиллиона человек, а в советское время включала в себя на треть больше. Прежде чем начать реформы, Черномырдин стал возить своих подчиненных на Запад, в Германию и Италию.

«Я в то время говорил, – вспоминал Черномырдин, – что мы должны систему такую сделать, чтобы, даже если дурак придет, и он не смог бы ее разрушить. Мы изучали все системы мира и брали все лучшее: и по технологиям, и по оборудованию. Чтобы невозможно было ее сломать, система должна быть дуракообразной!»

За образец для подражания он взял ENI – итальянскую государственную газовую компанию.

«Главным препятствием, – замечал Черномырдин, – был Рыжков».

Николай Иванович Рыжков. Предпоследний председатель Совета министров СССР. В историю этот главный экономист перестройки вошел в том числе благодаря своему публичному заявлению, будто он плачет по ночам, когда думает о том, как растут цены. Газеты потом долго выходили с карикатурами на плачущего Рыжкова. Рыжков плакал, а цены его не слушались, и Рыжков не понимал, что цены не будут слушаться уже никогда. Однако в

1989 году, когда Черномырдин превращал свое министерство в концерн, решение зависело от Рыжкова.

Черномырдин рассказывает, что приходил к Рыжкову со своей идеей газового концерна несколько раз. Рисовал схемы, объяснял, говорил, говорил, говорил до позднего вечера. В конце одного из таких разговоров Рыжков спросил:

« – То есть я понял, что ты министром не хочешь быть? – он все еще верил, что нет лучше занятия, чем быть в Советском Союзе министром.

– Нет, не хочу, – отвечал Черномырдин.

– И не будешь членом правительства? – недоумевал Рыжков. – И понимаешь, что лишаешься всего? Дачи, привилегий?

– Да, понимаю.

– Сам?

– Сам. Пойми, Николай Иванович, не надо сейчас уже быть министром. Мы сделаем компанию.

Рыжков сомневался.

– У тебя сейчас сколько замов? – спрашивал он.

– Три первых и восемь простых, – отвечал Черномырдин.

– Ну вот, если я тебя отпущу сейчас, ты завтра возьмешь себе двадцать заместителей!

– Почему? Не надо мне двадцать. Два – и хватит».

Черномырдин уехал от Рыжкова за полночь, оставив председателя Совета министров в полной уверенности, что министр газовой промышленности сошел с ума. Черномырдин ехал в министерство, где его ждали два зама, посвященных в замысел: Рем Вяхирев и Вячеслав Шеремет. Уже в машине раздался звонок: «Завтра вопрос о преобразовании Министерства газовой промышленности в госконцерн будет обсуждаться на президиуме Совета министров». Остаток ночи... Черномырдин, Вяхирев и Шеремет думали как представить свою авантюру президиуму. Черномырдину удалось заранее договориться только с зампредом Совета министров Батаниным. Тот пообещал: «Я и помогать не буду, потому что я против, но и возражать не стану».

И слово свое сдержал. Речь Черномырдина в Совмине выслушали молча. Реакция остальных членов правительства была недоуменной. И вдруг слово взяла Александра Бирюкова, зампред Совмина, курировавшая легкую промышленность.

«Я выслушала все, что сейчас докладывал министр, – так запомнил ее слова Черномырдин, – и я ничего не поняла из того, что он говорил. Но хочу сказать: а почему бы нам не попробовать? Чего мы боимся? Мы его хорошо знаем, к нему никогда никаких претензий не было. Если у него не получится – мы ему голову оторвем и вернем все на свои места».

Совету министров СССР, как и Советскому Союзу, оставалось существовать менее двух лет. А члены президиума верили, будто могут еще кому-то оторвать голову и что-то вернуть. На самом деле они не могли уже ничего. Вскоре после того как «Газпром» перестал быть министерством, председатель Совета министров СССР Рыжков выступил на заседании Верховного совета и заявил с трибуны, что все цены в СССР искусственно занижены и их нужно повысить минимум в два раза, а на хлеб – и вовсе в три. В считанные часы по всей стране товары пропали с прилавков. Была введена карточная система. А 26 декабря 1990 года 61-летний Рыжков ушел на пенсию. На посту советского премьера его сменил Валентин Павлов. Павлов в надежде справиться с экономическим кризисом попытался было провести денежную реформу, но выйти из кризиса реформа не помогла, а только озлобила людей, потерявших на этой реформе деньги.

СССР быстро распадался. Правительства многих республик откровенно саботировали решения союзного кабинета министров, объявляя их вмешательством в свои внутренние дела. Только «Газпром» пока еще надежно контролировал все свои трубы и месторождения

на территории всего Советского Союза. А возглавлявший его Черномырдин был последним наследником СССР.

Дело спасения России Черномырдин в ранге председателя правления ГК «Газпром» продолжил, разработав план по сохранению контроля над наиболее важной частью своего хозяйства в разваливавшемся Советском Союзе. В первую очередь речь шла о газотранспортных системах России, Украины и Белоруссии. Однако объединение сорвалось, и «Газпром» остался исключительно российским предприятием.

В конце весны 1991 года «Газпром» предпринял попытку внедриться на европейский газовый рынок, куда экспортировалось около 100 млрд кубометров газа в год. Скооперировавшись с немецкой химической компанией BASF, «Газпром» собрался принять участие в приватизации берлинской фирмы Verbundnetz Gas AG. До объединения Германии ей принадлежали все газораспределительные сети ГДР. «Газпром» рассчитывал купить 25,1% акций Verbundnetz Gas и тем самым снизить свою зависимость от Ruhrgas, который диктовал «Газпрому» цены при заключении экспортных контрактов. Идея покупки акций Verbundnetz Gas горячо поддерживалась правительством СССР, и председатель Государственной внешнеэкономической комиссии Степан Ситарян обратился к министру экономики ФРГ Хельмуту Хаусману с просьбой об оказании необходимого содействия российской компании. Но немцы отказали «Газпрому» даже в праве участвовать в тендере. Акции Verbundnetz Gas AG купил Ruhrgas.

19 августа 1991 года советская власть предприняла последнюю попытку сохранить себя. Вице-президент СССР Янаев, председатель КГБ Крючков и министр обороны Язов попытались совершить переворот и отстранить от власти президента СССР Михаила Горбачева. Их поддержал и премьер Павлов. Попытка провалилась, причем противостоял заговорщикам не президент Горбачев, взятый под домашний арест на своей крымской даче, а будущий президент России Борис Ельцин, сумевший организовать сопротивление на улицах Москвы и получивший поддержку народа, а потом и армии.

Фактически с этого момента Советский Союз перестал существовать вместе со всеми своими министерствами. Но роль «Газпрома» не только не ослабла, но, напротив того, усилилась: лишь он и ядерная кнопка оставались реальными факторами могущества Кремля.

В сентябре 1991 года «Газпром» создал с немецкой компанией Wintershall два совместных предприятия: WIEN (по продаже газа) и Wingas (по его транспортировке). Они до сих пор покупают российский газ дешевле, чем Ruhrgas.

В ноябре при участии «Газпрома», его дочернего предприятия «Астраханьгазпром» и «Агропромхима» возникло одно из первых в России СП – советско-американская фирма «Газ-Агро-Фрипорт». В СП, которое ориентировано на переработку и экспорт серы («Астраханьгазпром» занимал второе место в мире по добыче серы. – *Ред.*), инвестирована из бюджета огромная по тем временам сумма – 1,8 млн руб. Со стороны США в СП участвовали малоизвестные фирмы Freerport и McMoran. Спустя некоторое время американцы открыли у себя большое месторождение серы, и СП приказало долго жить.

Юридически Советский Союз перестал существовать в декабре 1991 года, когда президенты России и Украины Борис Ельцин и Леонид Кравчук и председатель Верховного совета Белоруссии Станислав Шушкевич подписали Беловежское соглашение.

К этому моменту под руководством Черномырдина концерн, по тогдашним оценкам, как минимум утроил объем контролируемого им капитала и был чемпионом мира по добыче природного газа (более 800 млрд кубометров в год), владел несколькими тысячами скважин и десятками подземных хранилищ, 270 промысловыми установками комплексной подготовки газа и сетью газопроводов в 160 тыс. км, 350 компрессорными станциями.

Беловежское соглашение привело к тому, что «Газпром» в одночасье потерял треть трубопроводов, треть месторождений и четверть мощности компрессорных станций. Но продолжал существовать, чего нельзя сказать о его родине.

В 1992 году правительство Егора Гайдара предприняло попытку ввести в газовую отрасль элементы конкуренции.

В феврале впервые высказывается идея создать независимые добывающие компании, поставляющие газ в контролируемую из центра газотранспортную систему. Министр топлива и энергетики Владимир Лопухин пытается воплотить идею в жизнь и наживает себе врага в лице Виктора Черномырдина, убежденного сторонника сохранения «Газпрома» как единой компании.

В апреле правительство принимает постановление, разрешающее концерну «Газпром» оставлять 38% валютной выручки за рубежом. А в мае Егор Гайдар распоряжается проверить документацию «Газпрома» на предмет состояния валютных счетов и проводок по ним.

В конце мая «Газпром» наглядно демонстрирует свои лоббистские возможности. Сразу после окончания проверки счетов министр-гайдаровец Владимир Лопухин отправлен в отставку, а его место 30 мая занимает Виктор Черномырдин, одновременно возведенный в ранг вице-премьера по ТЭКу. Бразды правления в «Газпроме» он передает своему первому заму и старому оренбургскому приятелю Рему Вяхиреву.

Уже на следующий день президент Борис Ельцин подписывает два указа: № 538 «Об обеспечении деятельности единой системы газоснабжения» и № 539 «По освоению новых газовых месторождений на полуострове Ямал, в Баренцевом море и на шельфе острова Сахалин». Таким образом, весь газовый рынок переходит под полный контроль «Газпрома», а имущественный газовый комплекс страны – в хозяйственное ведение концерна. Указом № 539 «Газпрому» передаются без конкурса лицензии на газовые месторождения в наиболее перспективных районах. К 1995 году «Газпром» владеет лицензиями на 81 месторождение, на которые приходятся 68,5% всех газовых запасов страны.

Еще через день правительство принимает пакет постановлений по развитию нефтегазовой отрасли. «Газпрому» дано эксклюзивное право госзаказа для осуществления поставок газа на экспорт по межправительственным договорам. 45% валюты, полученной от этих поставок, остается в распоряжении концерна, оборот по этим операциям освобожден от пошлин.

В июле правительство берет на себя повышенные обязательства занять на Западе \$8,7 млрд на развитие «Газпрома». Для выплаты долга правительство рекомендует Центральному банку разрешить «Газпрому» открывать счета в иностранных банках.

Осенью учрежденный «Газпромом» банк «Империял» выкупает у ЦБ пакет акций East-West United Bank – бывшего совзагранбанка в Люксембурге, через который проходят платежи за весь экспортируемый в Европу газ и значительную часть нефтепродуктов, экспортируемых «Роснефтегазом». Созданная Виктором Черномырдиным империя получает не только конкурентные преимущества. На «Газпром» возлагаются функции большой политической значимости – расплачиваться своей продукцией за содержание российских войск в странах Балтии.

В ноябре создается акционерное общество «Росшельф» с 20-процентной долей «Газпрома» для разработки крупнейших шельфовых месторождений – нефтяного Приразломного в Печорском море и третьего в мире по величине Штокмановского месторождения газа в Баренцевом море (с запасами более 3 трлн кубометров газа). Годовой валютный доход от реализации газа с месторождений запланирован в размере \$7 млрд. Оба проекта до сих пор заморожены – ведутся лишь подготовительные работы по их возобновлению.

В ноябре Борис Ельцин подписывает указ № 1333 «О преобразовании государственного газового концерна «Газпром» в ПАО «Газпром»». Аббревиатуры ПАО удостоились

только три российские компании – «Единая энергетическая система», «Норильский никель» и «Газпром». Согласно указу, добывающие и транспортные компании газовой отрасли преобразовываются в дочерние предприятия «Газпрома» со стопроцентным контролем. Вспомогательные и сервисные компании обретают статус дочерних акционерных обществ с долей «Газпрома» 51% и более акций. Уставный капитал РАО «Газпром» составлял 236,7 млрд руб. – без учета переоценок основных фондов.

Акционирование «Газпрома», опекаемого Виктором Черномырдиным, утверждено по плану руководства газовой компании. При этом 40% его акций закреплены в федеральной собственности до 1999 года с передачей «Газпрому» права голосовать 35% акций из этого пакета. 28,7% предназначается для продажи за приватизационные чеки на закрытых аукционах, 15% – для трудового коллектива «Газпрома», 10% зарезервировано для последующей продажи «Газпромом» на зарубежных фондовых биржах, 5,2% – для населения Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), 1,1% передается «Росгазификации».

Глава 2

Спасение рынка. «Достойный преемник Гайдара»

«Я как раз за рынок. А то, что мы хотим опутать нашу державу лавками и на базе этого поднять экономику, да еще улучшить благосостояние, – думаю, что этого не получится». За первые два дня своего премьерства Черномырдин произнес больше клятв о приверженности рынку, чем Гайдар за год.

14 декабря 1992 года на VII съезде народных депутатов РСФСР в результате рейтингового голосования по кандидатурам, представленным на пост председателя республики, Виктор Черномырдин стал премьером.

Поначалу голоса распределились таким образом: большинство голосов получили секретарь Совета безопасности Юрий Скоков (637 – «за», 254 – «против») и вице-премьер, министр топлива и энергетики Виктор Черномырдин (621 и 280 голосов соответственно). Исполняющий обязанности председателя правительства Егор Гайдар получил 400 голосов «за», 492 «против» и выбыл. Борис Ельцин отказался предлагать съезду кандидатуру Скокова, тем самым согласившись с назначением Виктора Черномырдина. Он и был утвержден съездом на посту премьера – в итоге за него проголосовал 721 депутат. Президент и депутаты, таким образом, сошлись во мнении, что России пора иметь премьера-практика.

Тем паче, что какой-то ярко выраженной политической позиции у Черномырдина вообще не было, а все необходимые ритуалы выражения личной преданности он выполнял неукоснительно. Для левой оппозиции испытывать неприязнь к Черномырдину было бы просто смешно – бывший инструктор ЦК КПСС и союзный министр своими повадками мог вызывать у ее представителей только восхищение. У «рыночных» (или, если угодно, прозападных) группировок российской элиты тем более имелись все основания считать *своим* «русского Рокфеллера», как называла Черномырдина российская пресса в 1992 году – когда он стал премьером.

Тем самым борьба, которую вели представители промышленного директората и руководители-аграрники против «правительства ученых-теоретиков», закончилась победой практиков. Именно тогда, в декабре 1992 года, впервые заработала схема «президент на кнопке (имеется в виду ядерная кнопка. – *Ред.*) – премьер на вентиле».

Внимание общественности был приковано к первому серьезному шагу нового премьера, который в соответствии с указом президента «О Совете министров – Правительстве Российской Федерации» он должен был сделать после назначения. Речь шла о представлении президенту кандидатур будущих членов нового правительства. Сам факт присутствия в кабинете тех или иных лиц рассматривался как сигнал, следует ли ожидать в будущем резкой смены экономического курса, или же премьер сохранит по крайней мере видимость преемственности экономической политики.

Симптоматично, что при всем разбросе в оценках нового главы правительства и прогнозах его будущего курса практически все эксперты сходились во мнении о неизбежности серьезных корректив экономической политики. Само по себе это говорило о том, что смена премьер-министра не была случайной. Не было случайным и избрание именно Черномырдина. При обсуждении возможных преемников Гайдара на случай, если развитие событий привело бы к неизбежности его отставки, президенту назывались прежде всего две кандидатуры – Георгия Хижи и ЧВС (так Черномырдина начали называть практически сразу после его назначения премьер-министром). Первого активно поддерживал Верховный Совет, а точ-

нее, лично его председатель, а Черномырдин был с самого начала кандидатурой именно президента.

Влияние Черномырдина на экономические (и кадровые) взгляды президента на протяжении 1992 года неуклонно возрастало: не в последнюю очередь благодаря тому, как на фоне общего кризиса российской экономики становился все заметнее коммерческий успех детища премьера – концерна «Газпром». Свидетельством тому стало назначение Черномырдина весной не только министром топлива и энергетики, но и заместителем председателя правительства, курирующим топливно-энергетический комплекс. Назначение это было тем более знаменательным, что впервые с момента прихода команды Гайдара на таком высоком посту оказался не просто старый «номенклатурный аппаратчик», а представитель высшей советской элиты – бывший министр союзного правительства. Очевидно, что без личного участия Ельцина такое назначение состояться не могло.

Поэтому вопрос следовало бы ставить так: каким образом новый премьер будет формировать свое правительство? Произведет ли смену его состава сразу, в отведенные ему указом президента сроки, или предпочтет тактику постепенного «выжимания» членов прежнего кабинета? При этом уже самые первые высказывания Черномырдина не оставляли сомнения, что работать со старым составом он не будет. По его словам, основным качеством будущего правительства должен стать профессионализм, под которым он понимал знание не только экономической теории, но и практики управления. Последнее как раз менее всего было присуще «кабинету ученых» Гайдара.

Ни один премьер в России не имел такого устойчивого положения, как Черномырдин. Помимо хороших отношений с президентом и авторитета среди директорского корпуса, он пользовался поддержкой подавляющего большинства членов парламента и влиятельных центристских сил. Тот факт, что он был утвержден в своей должности съездом, делал его относительно независимым не только от президента, но даже и от самого Верховного Совета. И тем не менее мало кто ожидал, что Черномырдин сразу пойдет на такой резкий шаг, как отстранение гайдаровской команды от власти.

Помимо чисто субъективной неготовности президента в тот момент проводить существенные кадровые перестановки в правительстве, были и объективные причины, по которым премьер мог воздержаться от «массовых увольнений». Подобный шаг вызвал бы болезненную реакцию перешедших в оппозицию рыночных радикалов и изначально поддерживавших их политических движений, прежде всего «Демократической России», сыгравших решающую роль в победе Ельцина на выборах в 1990 и 1991 годах. Как результат, обострившаяся политическая борьба лишила бы государство перспективы сохранения политической стабильности, которая является условием продолжения экономических преобразований.

С другой стороны, настороженно встретивший смену российского премьера Запад однозначно связывал прозападную ориентацию России с именем Гайдара. Уход вслед за ним и его команды мог привести к тому, что основные кредиторы России заняли бы выжидательную позицию. А это было чревато замораживанием жизненно необходимых для страны продовольственных кредитов.

Персональный состав Совета министров был утвержден 21 декабря 1992 года.

Сначала прошли переговоры «в узком кругу» при участии Бориса Ельцина, Виктора Черномырдина и вице-премьера Владимира Шумейко. Основным принципом формирования кабинета была объявлена «преемственность» в проведении экономических реформ и в персональном составе нового кабинета. Затем консультации продолжились уже в расширенном составе. Помимо Виктора Черномырдина и Владимира Шумейко, в них приняли участие вице-премьеры Анатолий Чубайс, Александр Шохин и министр экономики Андрей Нечаев. После завершения этих консультаций стало известно, что кроме Шумейко и Чубайса, ранее

подтвердивших свое согласие работать с Черномырдиным, в новом правительстве остается и Александр Шохин.

До 1992 года все российские правительства были переходными. Настоящий кабинет первым создал Виктор Черномырдин.

Первое правительство, которое возглавил Черномырдин, было самым большим – узнать точно, сколько России нужно министров, в 1992 году было неоткуда, а запас карман не тянул. В первый кабинет входило 65 человек – 38 членов Совета министров, 7 руководителей федеральных ведомств (ГТК, Центробанка и др.) и 20 председателей Советов министров республик в составе России. Однако после принятия новой российской Конституции в декабре 1993 года количество портфелей было сокращено более чем вдвое. В составе кабинета помимо премьера осталось всего 28 министров и вице-премьеров. Впоследствии правительственная команда вновь увеличилась. В первом правительстве Черномырдина была всего одна женщина – министр социальной защиты Элла Памфилова. Злые языки говорили, что ее появление в правительстве было обусловлено теми же причинами, что и включение Валентины Терешковой в отряд космонавтов.

У рядовых министров не было почти никаких прав. Они даже не могли вызвать к себе ни одного другого члена правительства. Такая роскошь была позволена только вице-преьерам. Их количество тоже неоднократно менялось. Меньше всего их было в правительстве образца декабря 1993 года – четверо.

В январе 1993 года Минтопэнерго возглавил Юрий Шафраник. По его инициативе с 1 февраля цена на газ была увеличена в 3,6 раза.

В феврале «Газпром» впервые «отключил» Украину от газа за неуплату. Ограничение поставок длилось всего сутки. Газовый долг Украины превышал к тому времени уже 138 млрд руб., но на угрозы Москвы Киев отвечал, что перекроет трубу, по которой Россия поставляет газ в Западную Европу.

Уже в феврале 1993 года российские лидеры сделали ряд заявлений, которые, несмотря на преимущественно политический характер, могли служить «точкой опоры» для прогноза вектора структурной перестройки управления экономикой. О неизбежности этой перестройки впервые всерьез заговорили в кругах, близких к главе правительства. Эксперты полагали, что новое правительство, в отличие от гайдаровского, подобный шаг постарается сделать без лишнего шума, и в связи с этим реформа структур исполнительной власти будет, вероятно, проводиться постепенно и в несколько этапов. В итоге российский Совмин может стать очень похожим на союзный, что, однако, было бы лишь отражением реалий экономики, 95% которой приходилось на государственный сектор.

Мгновенно получило огласку в правительственных кругах заявление премьера, в котором он впервые явно противопоставлял свой кабинет предыдущему. С одной стороны, слова «мы не правительство-камикадзе, а нормальное российское правительство» недвусмысленно дали понять, что Виктор Черномырдин желает завершить продолжающийся полтора года «революционный период», болезненно переживаемый аппаратом. С другой стороны, совпав по времени с установочным заявлением президента о необходимости сосредоточиться на решении прежде всего экономических задач, слова премьера означали для посвященных неизбежность еще одной структурной перестройки системы управления народным хозяйством.

Перенос фокуса внимания высшего руководства с решения политических на решение экономических проблем означало неизбежность реформы управления прежде всего потому, что гайдаровская структура не позволяла реально контролировать ситуацию в экономике. Выступая под лозунгом «восстановления управляемости» народного хозяйства, новые идеологи реформы в кабинете Черномырдина указывали на неудачный опыт структурной перестройки правительства, предпринятой осенью-зимой 1991 года. Тогда была сде-

лана попытка, по словам Геннадия Бурбулиса, превратить министерства в «базовый уровень реформы». Помимо чисто политической задачи сломать хребет союзному Совмину, такая концепция предполагала большую оперативность в доведении реформаторских заданий до низовых структур аппарата и предприятий. Априори ее авторы полагали, что именно бюрократическая иерархия является главным виновником «пробуксовки» реформы.

Уже первый месяц реализации управленческой концепции «министр – зампред» показал необходимость усиления координационных функций на высшем уровне Совета министров. Сосредоточенные в новой структуре – аппарате правительства – отраслевые отделы на глазах теряли связь с министерствами, которые, в свою очередь, стали наступать друг другу на пятки. Со временем начали нарастать противоречия и между вновь формирующимися ведомственными интересами. Решать задачи перспективного характера, опираясь на аппараты отраслевых министерств, оказалось невозможно. Провал практически всех (и без того немногочисленных) централизованных программ служил иллюстрацией прогрессировавшего процесса «атомизации управления». Воссозданный специально для координации макрозадач институт вице-премьеров не смог переломить эту тенденцию, поскольку зампреды со своими малочисленными секретариатами были оторваны не только от аппарата правительства, но и от аппаратов министерств, и в результате, по словам помощника одного из них, «заместители главы кабинета стали последними, кто узнает, что же на самом деле происходит». Лишенные собственных каналов информации, они стали заложниками ведомств, поскольку из-за скорости оборота документов внутри Совмина отраслевые отделы полностью утратили оперативность.

Реформа структуры управления, как ожидалось, состоялась в направлении усиления координирующих функций аппарата Совмина.

Курс, которым Черномырдин собирался вести Россию, был сформулирован практически сразу после назначения: «Я как раз за рынок. А то, что мы хотим опутать нашу державу лавками и на базе этого поднять экономику, да еще улучшить благосостояние, – думаю, что этого не получится». За первые два дня своего премьерства Черномырдин произнес больше клятв о приверженности рынку, чем Гайдар за год.

В своей первой речи в новом качестве Виктор Черномырдин заявил, что он является сторонником «глубоких реформ, но – против обнищания народа». По его словам, реформа экономики должна была проводиться совместными усилиями «президента, правительства и съезда».

Говоря о приоритетах в политике правительства в российской аудитории, премьер указывал, что главное – остановить спад производства, оказать финансовую помощь предприятиям со стороны государства, восстановить управление госсектором, защитить госсобственность от незаконной распродажи.

Выступая же перед западной аудиторией (в январе 1993 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе; поездка туда стала первым официальным визитом главы правительства за границу), он говорил о том, что «обратного пути нет»; что «без иностранных инвестиций не обойтись» и что «необходима финансовая стабилизация». По его словам, он «хотел бы развеять атмосферу недоверия, которая складывается на Западе вокруг нового кабинета России. Новый премьер, как он выразился, «не только за реформы, но и за их углубление и расширение» и не видит другого пути для дальнейшего развития России. Не ограничиваясь общими фразами, премьер-министр призвал западных бизнесменов активнее инвестировать в российскую промышленность, в первую очередь нефтегазовую.

Выступление Черномырдина было сразу же названо «сенсационным». Поначалу фигура Виктора Черномырдина вызывала на Западе некоторую настороженность, и наблюдатели с самой большой тщательностью присматривались к его даже второстепенным распоряжениям (как, например, запрет носить джинсы в аппарате правительства) с точки зрения

их соответствия рыночным реформам. Однако как только премьер-министр России покинул трибуну в зале заседаний в курортном Давосе, его сразу окрестили «достойным преемником Гайдара».

Новая программа правительства России, которую премьер-министр озвучил в августе 1993 года на расширенном заседании кабинета, также вызвала большой интерес на Западе. По словам министра финансов Бориса Федорова, программа, которая была написана лично премьером (а не Федоровым и Чубайсом), в тот момент убедила Запад, что с курса реформ Россия не сойдет.

Одной из первых новую программу проанализировала *New York Times*, расценив ее как «победу ориентированного на рыночную экономику крыла правительства». Газета подчеркивала, что Черномырдин как промышленник не поддержал попытку министра экономики и первого вице-премьера Олега Лобова «в советском стиле возродить основные принципы централизованного планирования». Цели же правительственной программы американские наблюдатели оценивали как благородные. Это относилось к обузданию инфляции (до 7% в месяц), стабилизации производства и сокращению бюджетного дефицита (до 10% валового национального продукта) уже к середине 1994 года.

Правда, некоторые западные экономисты высказывали беспокойство по поводу реальности поставленных задач, что могло отразиться и на предоставлении Москве кредитов и другого финансового содействия. Западные эксперты также отмечали, что Черномырдин поручил своим главным оппонентам – Лобову, Федорову и Чубайсу – представить конкретные предложения по правительственной программе. Это было расценено как стремление премьера примирить несовместимые экономические программы – подобно тому, как пытался сделать это Михаил Горбачев.

В январе 1994 года Черномырдин выступил в Давосе во второй раз. Российский премьер вновь не преминул воспользоваться давосской трибуной, чтобы заверить участников встречи – лидеров ведущих государств и крупнейших представителей мирового бизнеса – в неизменности курса российских реформ.

По мнению западных наблюдателей, выступление Черномырдина, как, впрочем, и его облик (премьер выглядел «слегка загоревшим и элегантно-спортивно одетым»), произвело на участников встречи благоприятное впечатление. Премьер убеждал собравшихся в необратимости курса реформ. Виктор Черномырдин также подчеркнул, что интеграция России в мировую экономику может быть ускорена ее полноправным участием в ведущих международных экономических и политических институтах, в том числе ЕС.

В октябре 1994 года эксперты «Ъ» оценили итоги почти двухлетней работы кабинета Черномырдина следующим образом. Темпы инфляции снизились с уровня 20–30% до примерно 5% в месяц. Не удалось предотвратить промышленный спад – он составил примерно 21–23%. Массовая безработица ликвидирована – численность официально зарегистрированных безработных не превышала 2 млн человек. Стихийный характер структурной политики привел к упрощению структуры промышленного производства. Эксперты также указывали на создание динамично растущей цивилизованной банковской системы: с начала 1993 года число коммерческих банков увеличилось почти в 100 раз, а их объявленный уставный фонд – в 19 раз. Правда, инвестиционная активность была низка – за два года объем инвестиций сократился почти на 40%. Были созданы многие элементы рынка ценных бумаг, в особенности сектора государственных ценных бумаг, что позволило правительству заявить об отказе в 1995 году от заимствований Центрального банка. С другой стороны, отмечалась нерациональность налоговой политики и одновременно – неумение добиться собираемости налогов, по показателям сопоставимой с цивилизованными странами. Эксперты также указывали на существенное повышение в валовом внутреннем продукте доли услуг (более 50%) и стабильно положительное сальдо торгового баланса.

Задуманная в 1994 году Виктором Черномырдиным новая правительственная реформа должна была привести к повышению роли министерств, федеральных ведомств, крупных промышленных компаний. В этом случае, по мнению Черномырдина, «вопросы будут решаться эффективнее, быстрее». В то же время премьер выступил за уменьшение числа вице-премьеров, сославшись на то, что в бытность свою министром газовой промышленности СССР он сократил число своих заместителей с 11 до 2 «без ущерба для дела».

Поскольку заявление Черномырдина прозвучало в период распределения полномочий между вице-премьерами, то было очевидно, что их селекция определялась кругом их обязанностей. Согласно проекту, наиболее широкими полномочиями должны были обладать первый вице-премьер Олег Сосковец (контроль над внутренней и внешней экономической политикой) и Юрий Яров (контроль над социальной и региональной политикой, а также над рядом бюджетных отраслей). Наиболее специализированный круг обязанностей был у вице-премьера Александра Заверюхи (аграрный сектор) и у Анатолия Чубайса (приватизация).

Очевидно, что параллельно с реформированием состава правительства новый премьер должен был шаг за шагом проводить и реформу экономического курса.

Положение явно менялось к лучшему. По словам Ельцина, несмотря на то что это происходило «незаметно для большинства граждан», президент и правительство ясно видели, «что точно направленная политика может привести к положительному перелому в экономике».

В ноябре 1994 года, пожалуй, впервые в истории постсоветской России произошло событие, которому официальные власти отвели едва ли не ключевую роль в формировании экономической политики на ближайшие три года. Совещание «Перспективы экономических реформ в России» было призвано повысить статус ежеквартально проводящихся «больших Совминов». Борис Ельцин лично вел совещание в Мраморном зале Кремля.

Глава 3

Спасение собственности. Трастовый договор и белорусский маршрут

«С середины февраля 1994 года доступ к тексту договора имели только три человека в стране, – рассказывал сотрудник Белого дома. – Два подписанта и один из их общих начальников». Для обеспечения секретности эти трое не вели обычной служебной переписки по этому вопросу. То есть Олег Сосковец не получил письменного приказа подписать договор. Однако подписал. И теперь уже невозможно установить, были его действия санкционированы сверху или нет.

В марте 1993 года Госкомимущество утвердило два распоряжения Анатолия Чубайса, которые регламентировали сроки и порядок продажи акций «Газпрома» на чековых аукционах: аукционы будут закрытыми, и право приобрести акции получают только физические лица, прописанные в регионе, где проводится аукцион. Основную работу по проведению аукциона делают сами подразделения РАО «Газпром». Такой порядок не только исключил участие в приватизации крупных независимых инвесторов, но и позволил топ-менеджерам «Газпрома» контролировать число участников аукциона. Таким образом, распределение акций не вышло из-под контроля газпромовских руководителей. Впоследствии «газовые генералы» смогли сконцентрировать основные пакеты акций в руках родственников им структур.

Анатолий Чубайс, которому всегда удавалось сделать открытой продажу акций предприятий за ваучеры, в случае с РАО «Газпром» оказался бессилён. Тень Черномырдина перекрывала все подступы к границам газовой монополии.

24 декабря 1993 года Борис Ельцин издал указ № 2296 «О доверительной собственности (трасте)». Этот указ – точнее говоря, не он сам, а факт его появления – и стал основной небывалой доселе комбинации. Напомним, что в ходе рыночных реформ часть акций «Газпрома» была «продана» за приватизационные ваучеры. Продажа акций жестко регулировалась. Приватизация газодобывающей отрасли, как и всего российского топливно-энергетического комплекса, проходила по особым схемам, введенным специальными президентскими указами. Коротко говоря, «Газпром» должен был быть поделен между своими. Казалось бы – чего же еще желать? Но оставался неподделанным очень важный кусок – те самые 40% акций, которые числились в федеральной собственности.

19 января 1994 года председатель правления РАО «Газпром» Рем Вяхирев направил премьер-министру Черномырдину письмо следующего содержания: «В связи с изданием Указа <...> от 24 декабря 1993 года "Газпром" просит Вас подписать Договор об учреждении доверительной собственности (трасте) между Правительством РФ и РАО "Газпром". Проект Договора и проект Распоряжения Правительства прилагаются».

В тот же день (очевидно, что эта была опереточная мизансценка), то есть 19 января 1994 года, Черномырдин откликнулся на письмо г-на Вяхирева, дав одновременно троим сотрудникам своего аппарата поручение «в трехдневный срок подготовить проект Договора к подписанию» и направить Олегу Сосковцу.

И вот проект Договора был готов. Ознакомимся с основными его положениями. Кстати, к нему прилагался проект распоряжения правительства, по которому РФФИ обязывался в соответствии с договором передать РАО «Газпром» сертификаты на 35% акций. Распоряже-

ние должен был подписать (так значилось в проекте) первый вице-премьер Олег Сосковец, под договором же должны были стоять две подписи – Сосковца и Вяхирева.

Итак, учредителем траста – по договору – выступило («руководствуясь интересами дальнейшего развития экономических реформ») Правительство Российской Федерации, доверительным собственником – РАО «Газпром», а бенефициаром – федеральный бюджет РФ в лице Минфина. Договор заключается на три года без права расторжения по желанию сторон или бенефициара (единственное основание для расторжения – решение суда). «Предметом настоящего договора являются акции РАО «Газпром» первой эмиссии... в количестве 82 857 295 штук, что составляет 35% от общего количества акций... первой эмиссии». «... РАО «Газпром» в лице Председателя Совета Директоров принимает в траст акции РАО «Газпром»... а также все имущественные и неимущественные права, связанные с указанными акциями».

Ну, а кульминационный пункт Договора совершенно необходимо прочесть целиком. Вот он: «8. За осуществление РАО «Газпром» обязанностей доверительного собственника по настоящему договору ему устанавливается вознаграждение в виде безотзывного опциона, дающего право на приобретение по номинальной стоимости 30% акций РАО «Газпром» первой эмиссии (71 020 539 штук) из числа акций, закрепленных в федеральной собственности и переданных в траст по настоящему договору».

Далее тоже интересно, но длинновато, поэтому – снова выдержки. Выкупив опцион, «РАО «Газпром» осуществляет его реализацию с соблюдением правил действующего законодательства об акционерных обществах (регулирующего максимальный размер акций акционерного общества, которые могут находиться на балансе общества)» и «обязуется направить всю выручку от реализации акций, приобретенных в порядке опциона по настоящему договору, на финансирование технического перевооружения...» – ну и так далее.

Совершенно очаровательны были скобки, разъясняющие, какие именно правила законодательства РАО должно соблюдать, распродавая опцион. Само наличие этих скобок слишком ясно говорило о том, что никаких других «правил законодательства» в расчет брать не следует. Итак, полная свобода. Руководство «Газпрома» может поступать так, как ему будет угодно или приятно. Может продать эти акции с торгов или аукциона, а может – ограниченному списку лиц по еще более ограниченной цене, хоть по рублю за штуку, хоть по гривеннику. И выручку направить на финансирование технического перевооружения.

В соответствии с проектом договора несколько человек за исполнение в течение трех лет своих служебных обязанностей помимо зарплаты смогли бы получить по ими же назначенным ценам (то есть даром) около 30% газовой промышленности России.

Вот несколько чисто юридических замечаний.

Первое – и самое очевидное. По тому самому указу № 2296, «в связи» с которым Рем Вяхирев попросил правительство заключить договор о трасте, РАО «Газпром» не могло выступать доверительным собственником. В его уставном капитале доля государственной собственности была явно выше 25% (да и сам договор – о судьбе 35% принадлежащих государству акций). Значит, РАО не являлось покупателем по пункту 1 статьи 9 Закона о приватизации. А это значит, что по пункту 21 названного указа в доверительные собственники оно отнюдь не годилось. (Напомним заодно и пункт 11.4 программы приватизации: «представители администрации и работники акционерного общества не могут выступать в качестве представителей государства на собрании акционеров и в совете директоров».)

Второе. Вторично был нарушен Закон о приватизации и заодно уж «Положение о продаже акций»: акции первой эмиссии приватизируемого предприятия не могли выступать в качестве оплаты пусть даже очень ценных услуг, пусть даже такой солидной организации, как РАО «Газпром». В процессе приватизации акции (кроме льготных для трудового коллек-

тива) только продавались через систему чековых и денежных аукционов, а также на инвестиционных конкурсах.

Третье. Поражала необратимость готовящегося подписания договора. Если уж отдавали акции в опцион, то опцион этот должен был быть безотзывным. Если уж заключали сам договор, то без права расторжения – иначе как по приговору суда.

Четвертое. Кроме общих фраз о том, что доверительный собственник обязуется управлять переданными ему акциями «исключительно в интересах бенефициара» (а в бюджет-то по договору перечислялись лишь 10% дивидендов), в договоре не было ни одной подсказки: а в чем, собственно, эти интересы заключаются? Не было фиксированных условий, заданных критериев эффективности, за нарушение которых можно было бы в судебном порядке расторгнуть договор «за неисполнение доверительным собственником обязанностей, возложенных на него настоящим договором, или злоупотребление им доверием, оказанным ему учредителем траста при заключении договора».

Да ладно, хватит про юриспруденцию. Ясно же, что совсем не в ней дело.

«С середины февраля 1994 года доступ к тексту договора имели только три человека в стране, – рассказывал сотрудник Белого дома. – Два подписанта и один из их общих начальников». Для обеспечения секретности эти трое не вели обычной служебной переписки по этому вопросу. То есть Олег Сосковец не получил письменного приказа подписать договор. Однако подписал. И теперь уже невозможно установить, были его действия санкционированы сверху или нет.

Вот как о продолжении этой истории спустя годы напишет Борис Немцов в своем блоге уже после смерти Виктора Степановича Черномырдина. «Весь 97-й год я боролся за то, чтобы вернуть 38% акций “Газпрома” государству. Акции эти были переданы в трастовое управление Рему Вяхиреву, тогдашнему председателю правления компании. Рыночная стоимость 38% в нынешних ценах – около 70 миллиардов долларов. А по договору их отдавали по цене виллы на Рублевке, где-то миллионов за 10 долларов. Я считал, что это грабеж России, акции надо вернуть, Черномырдин считал иначе и долго сопротивлялся разрыву трастового договора. И вот один раз прихожу я к Виктору Степановичу, говорю ему: “Виктор Степанович, ну давайте же уже заканчивать. Вернем акции, восстановим позиции государства и будем ответственно управлять компанией“. Черномырдин, глядя на меня в упор: “Послушай, ну что ты привязался к этому трастовому договору? Объясни, как это скажется на газоснабжении страны?” Я не знал, что ответить».

Ответ был очевиден. Несмотря на внешнюю алогичность трастового договора, позиция Черномырдина ясна. ЧВС действительно полагал, что так лучше не только для «Газпрома», но и для страны. По определению, назначение Черномырдина премьер-министром способствовало резкому усилению экономического влияния и финансового могущества «Газпрома». В ноябре 1993 года Борис Ельцин подписал указ о создании специального стабилизационного фонда для «Газпрома». На развитие газоснабжения «Газпрому» разрешалось отчислять в фонд до трети от своей надбавки к государственным ценам на газ для конечных потребителей. Указ предоставил «Газпрому» беспрецедентную льготу – средства, направляемые в фонд стабилизации концерна, не включались в налоговую базу.

В марте 1994 года «Газпром» вновь прекратил поставки российского газа на Украину – ее долг «Газпрому» превысил уже 1 трлн руб. «Газпром» требовал быстрого решения проблемы долга за счет уступки российской стороне части имущественных прав на газопроводы и украинские промышленные предприятия. 10 марта 1994 года в ходе российско-украинских переговоров было решено, что «Газпром» продолжит поставки газа на Украину в полном объеме. Украинская сторона обязалась в течение месяца представить график погашения своей задолженности за российский газ. График представлен так и не был, но от газа Украину по политическим мотивам не отключили. Уже тогда инстинктивно почувствовав

будущие газовые войны, Черномырдин способствовал расширению возможностей для российского газового транзита.

В марте 1994 года «Газпром» приступил к реализации крупнейшего проекта по освоению газовых месторождений на полуострове Ямал. Основной его частью являлось сооружение транзитного газопровода Ямал – Западная Европа (стоимость прокладки первых двух ниток газопровода только в пределах СНГ оценивалась в \$30 млрд). В феврале 1995 года премьер Черномырдин с польским премьером наконец подписали протокол о строительстве польского участка газопровода Ямал – Западная Европа, который должен был пройти также через территорию Белоруссии. Планировалось, что 50% российского газа будет поставляться в Западную Европу не через Украину, а через Белоруссию. Очевидно, что именно угроза украинских неплатежей, которые могут привести к уже долговременной приостановке транзита газа через Украину, подвигла ЧВС к расширению возможностей российского газового транзита.

Глава 4

Спасение диалога. Комиссия Гор – Черномырдин

За время работы комиссии фамилии Черномырдин и Гор стали настолько неразлучными, что уже слились в одну – нечто вроде Гей-Люссака или Сквозник-Дмухановского. И было отчего: возглавляемая ими комиссия – едва ли не единственное, что придавало стабильность расшатавшимся российско-американским связям.

В 1993 году на ванкуверской встрече Билла Клинтона и Бориса Ельцина была образована Межправительственная российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству, позднее получившая название комиссии Гора – Черномырдина, поскольку с самого начала ее сопредседателями стали вторые лица в государствах – вице-президент США Альберт Гор и российский премьер Виктор Черномырдин. При создании комиссии оговаривалось, что ее заседания будут проходить дважды в год, попеременно в США и России.

За время работы комиссии фамилии Черномырдин и Гор стали настолько неразлучными, что уже слились в одну – нечто вроде Гей-Люссака или Сквозник-Дмухановского. И было отчего: возглавляемая ими комиссия – едва ли не единственное, что придавало стабильность расшатавшимся российско-американским связям.

Конечно, ни российский премьер, ни американский вице-президент не пытались узурпировать первые роли в российско-американском диалоге. Эти роли всегда оставались за Борисом Ельциным и Биллом Клинтон. Однако болезненное состояние главы российского государства вносило в этот диалог элемент непредсказуемости.

Да и взаимоотношения первых лиц постепенно портились. Клинтон был раздражен упорным нежеланием Москвы согласиться с расширением НАТО. Такое же раздражение порождало в Кремле явное пренебрежение американской стороны российскими аргументами против расширения альянса.

Связи между дипломатическими ведомствами двух стран также порой оставляли желать лучшего. Так, в 1996 году ставший министром иностранных дел Евгений Примаков трижды встречался с Уорреном Кристофером, но ни разу не ездил специально на консультации в Вашингтон, что регулярно делал его предшественник Андрей Козырев. В США, где никогда не были в восторге от назначения Примакова на пост министра иностранных дел, это, естественно, не осталось незамеченным. Более того, в 1997 году пост госсекретаря заняла Мадлен Олбрайт, известная «ястреб», питавшая неприязнь к России – и взаимно.

Комиссия Гор – Черномырдин, пожалуй, оставалась единственным механизмом в российско-американских отношениях 90-х, позволявший вести business as usual и вынести экономические контакты за пределы зоны политических бурь. При этом ключевую роль в работе комиссии играли вопросы, связанные с развитием сотрудничества в топливно-энергетической сфере.

В 1993 году комиссия вела переговоры и готовила соглашения по таким темам, как сотрудничество России и США в космосе, в конверсии российского ВПК, в энергетике и экологии. Ядерная тема стала одной из центральных и на встрече Альберта Гора с Борисом Ельциным в декабре того же года. Именно в ходе этой встречи российский президент сделал свой первый публичный выпад в адрес Леонида Кравчука. Давая оценку позиции Киева по ядерному разоружению (Украина, напуганная поствыборными заявлениями Владимира Жириновского, в одностороннем порядке усилила охрану стратегических объектов), Ельцин заявил: «Украина обманывает США, Россию, Европу и весь мир, а мы кажемся беспомощ-

ными и неспособными справиться с этим!» Ответ Гора был более дипломатичным и менее определенным. Он сообщил, что в Вашингтоне работают над приемлемой формулой решения этой проблемы.

Одним из первых достижений комиссии был меморандум о договоренности между правительством России и США относительно мер гласности и дополнительных мероприятий в связи с двусторонним соглашением об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия. Так была заложена основа договора ВОУ-НОУ (высокообогащенный уран – низкообогащенный уран).

В августе, перед отлетом в США на первую встречу комиссии, Виктор Черномырдин сделал сенсационное заявление о подписанном им постановлении об освоении компаниями США нефтяного шельфа на Сахалине. А уже в первом интервью на американской земле премьер-министр подтвердил намерение сотрудничать с США не только в освоении природных ресурсов, но и в сфере космоса и ядерной энергетики.

При этом России пришлось отказаться от сделки с Индией, в соответствии с которой Москва должна была поставить Дели криогенные двигатели и технологию их производства. Как известно, США сочли этот контракт идущим вразрез с режимом контроля за ракетными технологиями (РКРТ) и настояли на его замораживании. На этом, впрочем, претензии Вашингтона не исчерпывались. США считали, что Россия отклоняется от РКРТ в целом по двенадцати позициям. Вдобавок США потребовали безусловного выполнения Москвой обязательств по выводу войск из Литвы.

Космическое сотрудничество свелось к обсуждению двух вопросов: допуска России к коммерческим космическим запускам (их планировалось 12 – по два в год, начиная с 1995), а также участия российских космических фирм в сооружении станции Freedom (будущей МКС).

Один из дней визита Виктора Черномырдина в США был посвящен переговорам с директором-распорядителем МВФ Мишелем Камdessus и руководством Всемирного банка по вопросам финансовой поддержки российских реформ. В ходе переговоров обсуждался ход подготовки соглашения о выделении России резервного кредита в размере \$3 млрд. Были затронуты и вопросы сроков предоставления второй части системного кредита (\$1,5 млрд). Тема развития российского энергетического комплекса стала ключевой и на переговорах Черномырдина с представителями Всемирного банка. Отметив важность помощи банка программам модернизации энергетического комплекса России, премьер подчеркнул, что решающее значение все же будут иметь частные инвестиции.

Кроме того, Виктор Черномырдин и вице-президент США Альберт Гор подписали меморандум об использовании российского высокообогащенного урана в качестве топлива для американских АЭС. «Договор ВОУ-НОУ» стал реальностью. Это автоматически увеличило долю России на мировом рынке уранового сырья.

Вице-президент также заверил российского премьера, что администрация США намерена добиваться отмены конгрессом всех ограничений на торговлю с Россией, включая печально известную поправку Джексона–Вэника. (*Англ.* Jackson – Vanik amendment – поправка 1974 года конгрессменов Генри Джексона и Чарльза Вэника к Закону о торговле США, ограничивающая торговлю со странами социалистического блока, препятствующими эмиграции своих граждан. Поправкой запрещалось предоставлять режим наибольшего благоприятствования в торговле, предоставлять государственные кредиты и кредитные гарантии странам, которые нарушают или серьезно ограничивают права своих граждан на эмиграцию. Поправкой также предусматривалось применение в отношении товаров, импортируемых в США из стран с нерыночной экономикой, дискриминационных тарифов и сборов. Формально эта норма была введена из-за ограничений на эмиграцию советских граждан, однако действовала она и в отношении других стран – КНР, Вьетнама, Албании. – *Ред.*)

После второй – московской – встречи в декабре 1993 года Виктор Черномырдин назвал историческим заключенное соглашение о космическом сотрудничестве: только на первом этапе оно приносило России около \$400 млн (при этом США сэкономили \$2 млрд и 2 года работы). Однако, как высказался Черномырдин, этим соглашением был вскрыт лишь один из «поверхностных слоев» двустороннего сотрудничества.

Альберт Гор вновь заявил, что Запад должен проснуться и помочь России. При этом он посетовал, что и Всемирный банк слишком медлил с предоставлением России кредитов на развитие нефтегазовой отрасли, и МВФ долго раздумывал о специфике российских реформ. Но вообще, по мнению Гора, последние данные об итогах российских выборов выглядели более оптимистично, чем первоначальные.

Был поднят и вопрос о ядерном оружии, расположенном на Украине. Альберт Гор отметил, что трехсторонний диалог России, Украины и Соединенных Штатов Америки идет продуктивно. В Киеве уже работали эксперты России и США, которым предстояло согласовать с Украиной подготовленный Россией и США проект соглашения об украинской квоте в экспорте урана и ее ядерном разоружении.

И в последующем 1994 году ядерные и космические темы по-прежнему фигурировали на заседаниях комиссии Гор – Черномырдин, однако постепенно внимание стало смещаться к новым формам сотрудничества. На смену соглашениям, в которых США фигурировали в качестве крупного потребителя российских стратегических товаров (низкообогащенный уран) и услуг (строительство космической станции), стали приходить инвестиционные проекты, в первую очередь по привлечению американских капиталовложений в российский топливно-энергетический комплекс.

В ходе визита Черномырдина в США был подписан контракт с американским консорциумом во главе с Marathon Oil Co. о совместной разработке Сахалинского шельфа («Сахалин-2»). Был также решен и вопрос об участии американской Chevron в строительстве нефтепровода от Тенгизского месторождения в Казахстане в Новороссийский порт (Каспийский трубопроводный консорциум).

Черномырдина принимали в США как реформатора, на счету которого ряд ощутимых достижений, в частности снижение инфляции в России. Гор заявил ни больше ни меньше следующее: «Премьер Черномырдин показал себя как выдающийся российский лидер, упорно продвигающий реформы вперед».

23 июня 1994 года Виктора Черномырдина принял в Овальном кабинете Белого дома Билл Клинтон. Он еще раз поддержал идею скорейшей интеграции России в мировую экономику, а также в «Большую семерку». В конце беседы президент и премьер вышли к журналистам в Розовый сад, где среди благоухающих роз Виктор Степанович вместе с присоединившимся к беседе вице-президентом Альбертом Гором подписал соглашения о сотрудничестве в области космоса, энергетики и экологии.

О шипах к розам позаботились в конгрессе США.

В частности, резкой критике в палате представителей конгресса подвергся проект «Альфа» (так называлась тогда будущая международная космическая станция) как «черная дыра» для американских налогоплательщиков (общая стоимость работ по проекту оценивалась до \$30 млрд).

Совместные встречи в рамках комиссии дали странам возможность вплотную подойти к решению проблемы об установлении режима наибольшего благоприятствования в торговле. Российский премьер при полной поддержке вице-президента США даже предпринял попытку, встретившись с руководством Национальной конференции по проблемам советских евреев, убедить его выступить за отмену знаменитой поправки Джексона – Вэника. Ставшая архаизмом поправка мешала России добиваться установления в торговле с США

режима наибольшего благоприятствования. Но добиться отмены этой поправки не удалось ни тогда, ни позже.

Глава 5

Спасение бюджета. Залоговые аукционы

В 1996 году после победы Бориса Ельцина на президентских выборах ситуация настолько изменится, что никто и не вспомнит о залоговых аукционах. Ко всему прочему, шла война в Чечне, государство ощущало острый недостаток денежных ресурсов.

В 1995 году помимо «Газпрома» и приватизации у хозяйственного Виктора Степановича хватало и других дел. Назревала война в Чечне, а с ней и теракты. На повестке дня стояли кризис неплатежей, проблемы с выплатой зарплат и пенсий, налаживание отношений с международными финансовыми организациями, а потом финансовый кризис и падение цен на нефть.

Наконец, пришел черед залоговых аукционов. В 1995 году при деятельном участии Черномырдина прошли знаменитые залоговые аукционы, в результате которых владельцами госпредприятий стали молодые люди, в основном комсомольского происхождения, в дальнейшем прозванные олигархами.

Российское правительство осуществило молниеносную операцию, радикально перебившую весь экономический уклад и политическую ситуацию в стране. По итогам залоговых аукционов, проведенных в конце ноября – начале декабря 1995 года, в России в фантастически короткие сроки были созданы частные финансово-промышленные империи, по масштабам не уступающие крупнейшим западным корпорациям. Владельцам империй по весьма умеренным ценам достались не только самые перспективные предприятия страны, но и беспрецедентные возможности влияния на принятие решений в московском Белом доме.

Аукционы на право кредитования правительства России под залог находящихся в государственной собственности акций проводились по указу президента № 889 от 31 августа 1995 года «О порядке передачи в 1995 году в залог акций, находящихся в федеральной собственности». Список предприятий, выставляемых на залоговые аукционы, был определен Госкомимуществом. Размеры пакетов, стартовые объемы кредитов, сроки проведения аукционов и их дополнительные условия определяла специальная аукционная комиссия, включавшая представителей Минфина, ГКИ, РФФИ и ряда отраслевых министерств. Победители аукционов в обмен на кредит правительству получили в залог с правом голосования на собраниях акционеров акции российских предприятий.

Группа банкиров во главе с Владимиром Потаниным предложила государству кредиты под залог акций предприятий, находящихся в его (государства) собственности. Государство согласилось, и это стало сенсацией. Сделка, которую российские коммерческие банки предложили государству, означала переход их взаимоотношений в совершенно иную плоскость. Впервые банки и государство оказались связаны столь явно и на столь высоком уровне. И это стало поводом для грандиозной публичной войны между конкурирующими банками, свидетелем которой, благодаря прессе, оказалась вся страна.

Закулисная подготовка к аукционам началась еще летом 1995 года. Банкиры звонили в ГКИ и спрашивали, кто сколько дает за акции. Так и определялись начальные цены. «Альфа-банк», «Инкомбанк» и «Российский кредит» схлестнулись с банком «Менатеп» на залоговом аукционе акций нефтяной компании «Юкос». Не менее скандальной была история с аукционом акций РАО «Норильский никель». На этот раз спорили «ОНЭКСИМбанк» и «Российский кредит». Заявки на аукцион принимал «ОНЭКСИМ». Он же в итоге и получил в залог акции «Норильского никеля». Еще раз «Российский кредит» и «ОНЭКСИМбанк» схлестну-

лись на аукционе акций «Сиданко» – победил опять «ОНЭКСИМ». А к аукциону акций компании «Сибнефть» не был допущен «Инкомбанк»: комиссия обнаружила несоответствия в документах.

Когда на заседании правительства от имени консорциума банков впервые прозвучало сенсационное предложение о залоговых аукционах и изумившийся Виктор Черномырдин предложил «проработать вопрос», обнаружилось, что вопрос уже прорабатывался. «А мы уже все обговорили с Олегом Николаевичем (Сосковцом. – *Ред.*)», – спокойно ответил премьеру президент «ОНЭКСИМбанка» Владимир Потанин. Все поняли, что речь идет о сделке.

Болезненная реакция определенных кругов бизнеса, оказавшихся за пределами консорциума, заставила в тот момент власти дистанцироваться от инициаторов залоговых аукционов. Правда, были здесь и тактические соображения сугубо финансового характера. Во-первых, надо было понять ситуацию с исполнением бюджета и определить динамику поступлений по статье «приватизация госимущества». Во-вторых, государство рассчитывало на расширение участников консорциума. Однако осенью, после банковского кризиса и резкого падения поступлений в бюджет, стало уже некогда играть в политические игры, да и выбирать-то государству было уже почти не из кого. Приняв решение о проведении залоговых аукционов, правительство оказалось уже близко к тому, чтобы прямо признать факт своеобразной залоговой приватизации. Помешали парламентские выборы. Председателя Госкомимущества Сергея Беляева, баллотировавшегося от фракции НДР в Госдуму, быстро осадили, и из официальных кабинетов вновь зазвучали заверения, что по истечении срока залога акции будут выкуплены.

Этому, однако, мало кто верил: было очевидно, что срок залога (до 31 декабря) слишком мал для того, чтобы правительство смогло найти деньги. Было очевидно, что вопрос об обратном выкупе государством заложенных акций подниматься не будет, хотя с самого начала шел спектакль для публики: неискушенный зритель по ходу действия постоянно испытывал сомнения в неизбежности такого финала. А пьеса оказалась весьма проста. В конце 1995 года появился указ президента «О сроках реализации акций, находящихся в федеральной собственности и переданных в залог в 1995 году» о продлении до 1 сентября 1996 года срока залога госпакетов акций.

В 1996 году после победы на президентских выборах Бориса Ельцина ситуация настолько изменилась, что никто и не вспомнил о залоговых аукционах. Ко всему прочему шла война в Чечне, государство ощущало острый недостаток денежных ресурсов. К тому же Владимир Потанин – главный идеолог кредитования правительства под залог госпакетов акций – стал первым вице-премьером, и вот уже первый зампред ГКИ Альфред Кох, нимало не смущаясь, заявил 4 сентября: срок залога истек, и залогодержатели вольны делать с акциями все что угодно. Впрочем, такая откровенность – скорее исключение. Став главой президентской администрации, Анатолий Чубайс оказался гораздо более осторожным. Он называл «хорошим делом» инициативу Счетной палаты, озаботившейся возвратом залога и погашением банковского кредита. Однако, оговаривался Чубайс, в бюджете средств на это нет. Но если источник финансирования найдется, то эта инициатива будет поддержана.

Так что же стояло за молчанием вокруг заложенных госпакетов? Может быть, осознание обеими сторонами своего поражения? Существует точка зрения, что дело обстояло именно так. «Эти ребята не ведают, что творят и в какую трясину они попадают», – говорил тогдашний министр топлива и энергетики Юрий Шафраник. Само по себе столкновение «таежного» производственного менеджмента и вестернизированного финансового ему не казалось основной проблемой. Гораздо серьезнее для экономики ему представлялись долгосрочные последствия этого столкновения и связанного с ним замедления темпов финансового оздоровления предприятий: «Они очень скоро поймут, что без государства будут не

в состоянии поднять находящиеся в кризисе предприятия». Вышедшие вскоре указ президента и постановление правительства о господдержке РАО «Норильский никель» свидетельствовали о том, что он был прав. Но кто говорил, что банки предполагали управлять предприятиями без государственной поддержки? Судя по всему, таковая оговаривалась изначально.

Между тем, судя по масштабам необходимой поддержки, государство вроде бы действительно оказалось в ловушке. Передав в управление госпакеты акций, формально оно сняло с себя бремя заботы о ряде своих предприятий. И тем не менее по-прежнему вынуждено было идти на различные программы господдержки, поскольку без этого ни о какой стабилизации финансового положения речи идти не могло. К примеру, у РАО «Норильский никель», госпакет акций которого достался «ОНЭКСИМбанку», задолженность государству достигла 13 трлн руб. и стремительно продолжала возрастать за счет штрафных санкций. Каким бы крупным ни был банк, внести такую сумму он был не в состоянии. Не намного лучше обстояли дела и в компании «Сибнефть», в состав которой входил знаменитый «Варьеганнефтегаз»: для спасения его от банкротства требовалось не менее \$2 млрд.

Как бы то ни было, существовала и другая точка зрения: ни банки, ни государство в результате совершенной сделки не остались внакладе. Банки с самого начала знали, на что шли. Даже если они и не смогли точно оценить масштабы проблем, связанных с работой на предприятиях, чьи акции они взяли в залог, все равно они получили ряд преимуществ.

Во-первых, еще в самом начале аукционов злые языки утверждали, что фавориты для выдачи кредита правительству использовали не свои, а как раз государственные деньги. Возможно, отчасти так и было. Банки, которые были уполномоченными Минфина по разным программам и в которых находились его средства, могли, например, выдать кредит из этих денег компаниям, участвовавшим от их имени в аукционах. А те, в свою очередь, отдать их опять Минфину под залог акций.

Во-вторых, банки обслуживали счета тех предприятий, акции которых находились у них в залоге. Предприятия это были крупные, остатки средств – соответствующие, и, запустив их (как это и положено банку) в оборот, можно было неплохо заработать.

В-третьих, полученные в залог акции предприятий стоило рассматривать как инвестиции впрок. Заложенные предприятия были одними из лучших в России. Просто над ними следовало поработать. Именно с финансовой точки зрения: почистить бухгалтерию, оптимизировать финансовые потоки и внутренние цены, реструктурировать задолженность государству, наладить управление. Глядишь, предприятие и заработает. Это сразу повысило бы интерес к нему со стороны инвесторов.

В-четвертых, вместе с акциями банки приобрели и гораздо большее влияние и политический вес. Они олицетворяли уже не только себя самих, но и российскую промышленность. Это и была теперь российская экономика.

Одним словом, получение в залог акций было банкам выгодно. Но выгодно оно было и государству. Не надо забывать, что государство все-таки решило свои бюджетные проблемы в немалой степени за счет банковского кредита. Кроме того, банки, вынужденные следовать программам господдержки «подведомственных» предприятий, стали гораздо теснее привязаны к государству в экономическом отношении. А следовательно, оказались и в политической зависимости от правящей элиты.

Глава 6

Спасение власти. Создание НДР

25 апреля 1995 года Виктор Черномырдин сделал сенсационное заявление. «Я хочу создать сильное избирательное объединение, – сказал он, – чтобы не дать экстремистам победить на выборах и получить возможность сформировать правительство на основе большинства в Думе».

Идею о создании крупных предвыборных блоков первым озвучил вице-премьер Сергей Шахрай. И продолжал озвучивать до середины марта 1995 года – до встречи думской фракции Партии российского единства и согласия (ПРЕС) с премьер-министром Виктором Черномырдиным. В заключение той знаковой беседы премьер сказал, что удовлетворен конструктивной позицией, которую фракция демонстрирует при голосовании в Думе, и что правительство намерено оказать ПРЕС поддержку на будущих выборах. И добавил: «Но не только ей, а широкому демократическому спектру». На следующий день информационные агентства сообщили, что ПРЕС готова возглавить широкий центристский блок (согласно предложенной схеме, видимо, правоцентристский) с перспективой выхода на будущие выборы.

В середине апреля СМИ сообщили, что правоцентристский блок дал согласие возглавить сам премьер Черномырдин, а левоцентристский – спикер Госдумы Иван Рыбкин. В таком тандеме чувствовалась все же некоторая несуразность, над которой не преминули поиронизировать обозреватели, называя гипотетические еще политические силы «демократами и республиканцами а la russe».

При этом те же обозреватели отмечали, что проект Шахрая – попытка форсировать стабилизационный процесс в стране в рамках буржуазной демократии, то есть создать систему «выборов без выбора». Иными словами, власть пыталась найти выход из измучившей правителей и некоторых граждан антиномии: «проводить выборы нельзя, ибо выберут лучший знает кого и будет хаос, не проводить тоже нельзя, ибо ресурсов диктатуры нет и, следовательно, тоже будет хаос».

Это противоречие оказалось порождено сложившимся к тому времени политическим стереотипом «прогнивший режим – разнообразные силы обновления и возрождения», неизбежно влекущим за собой продолжение революционного процесса. Такой процесс останавливается только тогда, когда на смену приходит совершенно иной стереотип, и гражданам предлагается выбор «прогнивший режим № 1 – прогнивший режим № 2», сужающий коридор выбора до безопасных размеров: граждане выбирают не между различными общественными системами, а между налоговой ставкой в 20% – и в 25%. Если стереотип устаканивается, это и называется окончательной победой буржуазной демократии. В ретроспективном плане именно так стабилизировались политические системы Запада. По этому пути предлагал пойти Шахрай. Его предложение нашло отклик у «трех сильных» – Ельцина, Черномырдина и Рыбкина.

25 апреля 1995 года, воспользовавшись случаем побеседовать с прессой после церемонии передачи Всероссийской книги памяти в Музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе, Виктор Черномырдин сделал сенсационное заявление. «Я хочу создать сильное избирательное объединение, – сказал он, – чтобы не дать экстремистам победить на выборах и получить возможность сформировать правительство на основе большинства в Думе».

Во второй половине дня информагентства передали также мнение президента Ельцина о заявлении Черномырдина: «Я уверен, что он (премьер. – *Ред.*) сумеет объединить в своем движении самых серьезных людей для серьезного дела. И твердо знаю, что таких людей в России гораздо больше, чем разных безответственных экстремистов, которые в политику лезут, только чтобы себя показать».

В тот же день состоялась встреча Ельцина с только что зарегистрированной в Думе группой «Стабильность». Было известно, что это образование задумывалось как пропрезидентское. В ходе встречи Ельцин добавил к событиям дня еще одну сенсацию: широких центристских блоков будет два: один под руководством Черномырдина, другой – Рыбкина. Возможно, поэтому в дальнейшем инициативу создания партии «Наш дом – Россия» приписывали именно Ельцину.

Аналогии с историей политической системы США зазвучали в комментариях обозревателей: демократы чуть либеральнее (более социально ориентированы и озабочены рекрутированием в свои ряды среднего класса и классов «ниже среднего»); республиканцы чуть консервативнее (призывая к сдержанности в налоговой политике, они пекутся об «отечественных производителях»). Соответственно, в роли российского Томаса Джефферсона, стоявшего у истоков Демпартии США, оказывался аграрий Иван Петрович Рыбкин, а в роли видного покровителя торговли и промышленности федералиста Александра Гамильтона, одного из прародителей республиканцев, – беспартийный Виктор Степанович Черномырдин.

Новая «политконструкторская» идея не оставила равнодушной ни одну из известных российских политических партий. И не мудрено – заявка, в которой большинство партийцев увидели попытку организовать «двухголовую партию власти» (вариант – «партию чиновничества»), грозила если не перечеркнуть, то серьезно модифицировать существующую в стране партийную (а в Думе – фракционную) структуру.

С одной стороны, сразу после заявления Черномырдина, одобренного и развитого Ельциным, страна заговорила о блоках премьера и спикера как о деле решенном (раз власть сказала, значит, так тому и быть). С другой стороны, всякая инициатива сверху традиционно чревата фрондерством снизу – и о готовности уйти в «партизаны» заявили чуть ли не все представители российской партийной элиты.

Между тем Виктор Черномырдин уже выступал с программными заявлениями. В Магнитогорске он заявил, что цель его блока – «создать правительство, опирающееся на парламентское большинство, которое будет иметь возможность не только обещать, но и выполнять». И еще: «Мы хотим создать сильное избирательное движение, чтобы обеспечить стабильность в стране и нормальную, эффективную власть. Это будет широкая коалиция. И войдут в нее люди, которые не понаслышке знакомы со сложнейшими проблемами управления экономикой, государством, финансами и предпринимательством».

Дальнейшие тезисы тоже были отнюдь не сенсационны: «Из кризиса удастся выйти уже в этом году», «Правительство держит сложившуюся ситуацию под контролем», «Мы вводим в практику новые принципы формирования госзакупок», «Промышленный кризис перестает быть всеобщим, предприятия переориентируют производство на платежеспособный спрос...»

Эффективность будущей партии должна была продемонстрировать и ее организационная дисциплина. Уже через четыре дня после обнародования двухпартийных планов состоялось первое заседание оргкомитета «правоцентристов». Стахановские темпы строительства проправительственного блока отчасти объяснялись необходимостью провести через Думу бюджет на 1996 год до конца весенней сессии – осенью, когда избирательная кампания выходила на финишную прямую, это оказалось бы уже проблематично.

Постепенно прояснялась и «электоральная база» новой партии, то есть те силы, на которые она собиралась опираться и чьи интересы отстаивать. В начале мая Виктор Черномырдин объявил, что его блок будет опираться не только на «широкую поддержку в массах» (что декларировали все потенциальные участники предвыборных баталий), но и на «большинство глав администраций регионов» (что было доступно уже далеко не всем), а также (что вообще никому, кроме премьера, недоступно) – на поддержку всех без исключения членов правительства. Это звучало уже серьезно. Вскоре стало известно, что инициативу Черномырдина поддержали 80% субъектов Федерации, а одним из сопредседателей – наряду с Черномырдиным – новой партии станет первый вице-премьер Олег Сосковец.

Целью движения премьер объявил ни много ни мало как победу на выборах, формирование «ответственного парламентского большинства» и отсечение оппозиции (демократическим путем, разумеется) от распределения думских мандатов. Причем оппозиция понималась в широком смысле – «все, кроме...»: от Гайдара до Жириновского и Зюганова.

Майские праздники не прервали чрезвычайно активного процесса формирования новой партии (название «Наш дом – Россия» уже фигурировало в качестве рабочего варианта). Не покладая рук работал формируемый «на марше» оргкомитет, шла массированная обработка и вербовка потенциальных союзников и сочувствующих, утрясалось распределение ролей в партии. Зазвучали фамилии Константина Титова, Минтимера Шаймиева, Муртазы Рахимова, Рема Вяхирева и других «тяжеловесов» в упряжке с мастерами культуры – Людмилой Зыкиной и Вячеславом Тихоновым, Алексеем Баталовым и Ириной Архиповой, Александром Калягиным и Борисом Бруновым.

Инициатива Виктора Черномырдина по созданию предвыборного блока «Наш дом – Россия» пришлась по душе и региональным лидерам. Некоторые из них поспешили поддержать великий почин премьера не только словом, но и делом: за несколько дней региональные отделения движения были созданы более чем в десяти субъектах Федерации.

В своем стремлении продемонстрировать премьеру всенародную поддержку региональные лидеры даже не побоялись полезть в пекло поперед батьки: кое-где учредительные конференции местных отделений блока «Наш дом – Россия» состоялись еще до первого заседания московского оргкомитета движения. А в течение последующих десяти дней процесс пошел от Москвы (в чем-то парадоксальным образом – в самой Москве отделение НДР создано не было) до самых до окраин, и ячейки блока появились еще в десятке субъектов Федерации. Особым разнообразием состав местных отделений не отличался: погреться у премьерского предвыборного огонька в основном слетались главы органов исполнительной власти и руководители крупных предприятий и финансовых структур. Из политиков в «Дом» поступали лишь ПРЕС и «Выбор России».

На фоне такого энтузиазма мало кто обратил внимание, что изначальная идея Шахрая о создании эффективной двухпартийности начала трещать по швам с самого начала ее реализации. Суть изначального замысла была в том, чтобы создать не просто «партию начальства», а именно двухпартийный картель, где «левый центр» (Рыбкин) и «правый центр» (Черномырдин), пребывая в нераздельном и неслиянном единстве, смогли бы привлечь к себе львиную долю голосов, оттесняя непримиримых демократов и непримиримых патриотов в глухую маргиналию.

Местные же начальники восприняли замысел иначе – не в том роде, чтобы лидер Карелии Виктор Степанов изображал у себя правоконсервативную Баварию, а лидер Татарстана Минтимер Шаймиев, тяготея к социал-демократам, сотворял бы на Волге Северный Рейн – Вестфалию, а в том, что из Москвы наконец поступило ясное и внятное указание присоединяться к руководящей и направляющей силе, которая по определению может быть одной-единственной. Небольшое различие между однопартийной и двухпартийной системами исполненные энтузиазма местные вожди сочли несущественным.

Так что «левоцентристское» движение Рыбкина, не успев оформиться, уже получалось ущербным. Сам Рыбкин был главным энтузиастом проекта, однако возлагавшиеся на него надежды решительно не оправдались. Предполагалось, что ядром системной левицы должна стать наиболее многочисленная партия, из которой, кстати, происходил и сам Рыбкин, т. е. партии аграриев. Но те в очередной раз проявили норы и не выказали никакого энтузиазма в связи с проектом, предпочтя идти в Думу самостоятельно.

Наконец, двухпартийное начинание явило еще одну изначально заложенную в проекте слабинку. В схемах и диаграммах, посвященных строительству «партии слона» и «партии осла», с самого начала отсутствовала так называемая московская группировка. Вопрос о том, кто же такие Лужков, Ресин и стоящие за ними коммерческие структуры – слоны? ослы? или еще какая-нибудь иная живность? – так и остался непоясненным.

Однако начавшийся процесс останавливать никто не собирался. Да и поздно было. 12 мая в Москве состоялся учредительный съезд движения «Наш дом – Россия», которое возглавил Виктор Черномырдин. В ударном темпе делегаты отработали всю повестку дня: заслушали доклад премьера и прения по нему, приняли постановление о создании движения и его устав, избрали председателя, двух его заместителей, совет движения и ревизионную комиссию, а также обнародовали политическую декларацию. По мысли премьера собравшиеся в зале 300 делегатов и 200 гостей съезда были готовы «объединиться во имя победы здравого смысла, а не чуждых нам абстрактных схем, построенных на “измах”».

Все мероприятие (вместе с перерывом на фуршет) продлилось три с половиной часа. Вследствие хорошей организации оно было довольно скучным. Впрочем, иного ожидать было бы странно: влиятельные чиновники, промышленный директорат и финансовая элита, объединившись в пугающий своей силой триумвират, все спорные вопросы решают в тихих кабинетах и на загородных дачах. Власть отбросила маскировку и прямо заявила о готовности вступить в политическую борьбу с открытым забралом. Правда, потенциальных союзников из числа уже существовавших в России на тот момент политических партий наберечь удалось не много, ибо все уже понимали, что партии, согласные войти в новое движение, были обречены на растворение в нем без остатка.

В июне 1995 года в прессе появились высказывания Бориса Березовского о том, что он не прочь вступить в совет НДР, поскольку вполне разделяет его идеи. Тогда же появился слух о том, что Березовский стал главным финансовым распорядителем движения «Наш дом – Россия».

Глава 7

Спасение Басаева. Буденновск

«Шамиль Басаев, говорите громче!» – обращение Виктора Черномырдина к чеченскому террористу летом 1995 года прозвучало на всю страну. «Да, из-за людей. Две тысячи человек. Хотя цифра не главное. Даже если бы там был один человек и я мог помочь, я все равно вступил бы в разговор с террористом», – три года спустя в интервью повторял он.

Виктору Черномырдину довольно часто приходилось выступать в роли миротворца. Он мирил многих и разных. В 1994 году специально летал в Минск, чтобы помирить молодого тогда Александра Лукашенко со «старшими товарищами по партии». В марте 1995 года – мирил мэра Москвы Лужкова с генералами Коржаковым и Барсуковым. Вряд ли он тогда предполагал, что до одного из главных своих выступлений в качестве миротворца ему осталось меньше трех месяцев. Буденновск в июне 1995 года и спустя несколько лет многосторонние переговоры о судьбе Югославии стали, безусловно, самыми яркими страницами биографии Черномырдина-миротворца. И самыми противоречивыми.

К началу весны 1995 года в Чечне установилось зыбкое перемирие, дававшее призрачную надежду на начало реального мирного процесса. Премьер РФ Виктор Черномырдин на встрече с мусульманскими лидерами России поддержал идею проведения мирной конференции по Чечне, правда, оставалось неясным, кто будет представлять на ней чеченскую сторону – дудаевцев среди ее участников Москва видеть не желала. Более того, правительство РФ постепенно переламывало ситуацию в самопровозглашенной Республике Ичкерия в свою пользу и было настроено решительно, тем паче что объявленное перемирие постоянно нарушалось обеими сторонами.

В начале марта Грозный окончательно перешел под контроль российских войск. В городе была сформирована лояльная центральной власти администрация. Начались активные переговоры с населением равнинной Чечни – местных жителей убеждали изгонять боевиков из своих населенных пунктов. Вместе с тем российские подразделения занимали господствующие высоты над селениями и городами, взяв до конца марта под контроль города Аргун, Шали и Гудермес (последние два – без боя).

В начале апреля сводный отряд МВД с боем вытеснил из села Самашки так называемый Абхазский батальон под командованием Шамиля Басаева (в боях погибло много мирных жителей, что вызвало новый всплеск антироссийских настроений в Чечне), а в середине апреля начался штурм Бамута, фактически завершившийся к концу мая – населенный пункт был взят под контроль, но основной части боевиков удалось выйти из окружения.

К лету боевые действия были перенесены с равнинной Чечни в горы. Российским войскам под командованием генерала Владимира Шаманова удалось взять под контроль Ведено, Шатой и Ножай-Юрт – райцентры, служившие основными опорными базами боевиков в горной части республики, что позволило командованию заявить о завершении горной войны. Однако, как и на равнине, основной части боевиков удалось избежать уничтожения и скрыться. По сути, они перебазировались в северную часть Чечни.

Однако неунывающий Дудаев, который, по данным военных, во время тех боев был ранен и прооперирован, надеялся на лучшее. После падения Шатоя и Ножай-Юрта чеченский лидер дал интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС, разъяснив: «Борьба не закончена, она просто принимает новые формы».

Эти «новые формы войны» первыми на себе почувствовали жители Ставрополья. Около полудня 14 июня 1995 года неизвестные – тогда еще – террористы захватили город Буденновск.

В 12.30 два «КамАЗа» и один «УАЗ» с опознавательными знаками ГАИ двинулись со стороны Нефтекумского района Чечни в сторону Буденновска. На российском КПП из «УАЗа» вышли одетые в милицмейскую форму люди, которые объяснили, что в кузовах грузовиков находится «груз 200» (условное обозначение гробов с убитыми военнослужащими. – *Ред*). Милиционеры КПП не стали досматривать кузова, посчитав это кощунством.

В результате колонна практически беспрепятственно дошла до расположенного неподалеку Буденновска. Когда она вступила в город, из машин выскочили боевики в камуфляже (всего в налете на Буденновск принимало участие 195 человек), вооруженные автоматами, пулеметами и гранатометами. Сначала они направились к местному рынку, где расстреливали торговцев, в основном пенсионеров. Потом попытались взять штурмом местный отдел милиции. Однако это нападение удалось отбить. В ходе отражения штурма погибли начальник криминальной милиции города и пять участковых инспекторов.

Тогда боевики разбились на группы по 5–6 человек и начали захватывать административные и жилые здания. В ходе акции они периодически стреляли в мирное население и давили его захваченным в Буденновске автотранспортом. В течение нескольких часов боевикам удалось захватить больницу, поликлинику, местное отделение Сбербанка, а также городской узел связи. Из-за этого в 15.00 была прервана телефонная связь с Буденновском. Было захвачено здание местной администрации, над которым водрузили чеченский флаг.

Захватив больницу, преступники установили на крыше крупнокалиберный пулемет. Из него они обстреливали окрестности, не позволяя гасить повсеместно возникающие пожары. Еще два пулемета вели огонь с крыш местного банка и здания городской администрации. По некоторым данным, основной целью нападавших был захват Буденновского завода полимерных материалов. Взрыв этого предприятия мог вызвать в крае экологическую катастрофу. В ходе акции террористы требовали прекращения боевых действий в Чечне, вывода войск, прямых переговоров Ельцина с Дудаевым и грозили уничтожить заложников. В конце концов террористы собрали в больнице города около 2000 человек и объявили всех, кто там находился (включая персонал, больных, в частности детей), заложниками.

Между тем неофициальный представитель президента Джохара Дудаева в Москве Хамад Курбанов заявлял корреспонденту Postfactum, что акция в Буденновске – «провокация, организованная и осуществленная Москвой с целью дестабилизации обстановки на Северном Кавказе».

На место событий вылетели директор ФСБ Сергей Степаин, министр внутренних дел России Виктор Ерин, его заместитель Михаил Егоров, которые вступили в переговоры с террористами. Между тем вопрос, кто же на самом деле организовал нападение на Буденновск, приобретал особое звучание. Подтвердилась информация о том, что командует террористами Шамиль Басаев.

Журналисты начали спрашивать, каким образом отряд Басаева, всего за несколько дней до 14 июня сражавшийся в районе Шатоя, сумел за считанные часы проехать на «КамАЗах» через всю Чечню (наводненную войсками!) с крупнокалиберными пулеметами и гранатометами, въехать в Ставропольский край, пройдя через многочисленные кордоны «усиленно охраняемой административной границы с Чечней». Проникновение большой группы боевиков в Ставрополье сразу же вызвало у некоторых наблюдателей предположения о прямой или косвенной помощи федеральных войск. Учитывая неутрахающие слухи о попустительстве военных, пропускающих в Чечню оружие из соседних регионов, такая мысль не выглядела абсурдной.

С заявлениями по поводу теракта выступили все представители руководства страны, включая президента Ельцина. Правда, он, рассудив, видимо, что не к лицу президенту великой державы отменять свои государственные визиты из-за каких-то террористов, все-таки отправился в Галифакс на встречу глав «Большой семерки». Перед вылетом он сообщил журналистам, что долго сомневался, ехать или нет, но потом все же решил, что премьер и министр внутренних дел справятся с боевиками и без его помощи. А сам он воспользуется случаем, чтобы еще раз лично разъяснить своим западным коллегам сущность дудаевского режима, а заодно и обсудить с ними вопрос о мерах по борьбе с мировым терроризмом.

Наиболее откровенно высказался председатель Совета Федерации РФ Владимир Шумейко: события в Буденновске «полностью поменяли» ситуацию на Северном Кавказе и требуют принятия всех мер, чтобы «немедленно покончить с бандитскими проявлениями». Не мог остаться в стороне и Виктор Черномырдин, прервавший отпуск, чтобы руководить действиями в отсутствие отбывшего в Галифакс президента. Во время телефонного разговора с руководителями чрезвычайного штаба в Буденновске премьер-министр заявил, что «руководство России готово сделать все для спасения людей, попавших в беду».

Три дня с 16 по 19 июня 1995 года вместили в себя две попытки штурма буденновской больницы федеральными спецчастями (в ходе одной из них удалось освободить 61 заложника), контакты главаря боевиков Шамиля Басаева с Виктором Черномырдиным по телефону, очные встречи главаря террористов с представителями российского правительства в Буденновске и, наконец, освобождение большинства заложников и отъезд террористов на предоставленных им автобусах. Миллионы телезрителей стали свидетелями беспрецедентной и отчаянной публичной дипломатии Виктора Черномырдина, который пытался не только спасти заложников. Он поставил на карту собственную политическую судьбу.

В 20.00 18 июня по приказу командующего внутренними войсками Анатолия Куликова боевые действия в Чечне были прекращены. Террористам было предложено немедленно освободить всех детей, женщин и раненых. В ответ в ночь на 19 июня совершена попытка прорыва боевиков в Ингушетию у села Верхний Алкун. Бойцы 137-го особого Владикавказского погранотряда попытку пресекли и боевиков рассеяли. В ту же ночь группа боевиков численностью до 40 человек напала на заставу МВД России близ железнодорожной станции Терек (Чечня). После трехчасового боя боевики отступили, потеряв 12 человек убитыми.

В 1.00 19 июня после очередного телефонного разговора Виктора Черномырдина и Шамиля Басаева из Ставрополя в Буденновск в сопровождении машин ГАИ отбыли 7 автобусов и рефрижератор.

В 10.00 в Грозном в здании миссии ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. – *Ред.*) начались переговоры между представителями российского правительства и бывшим генеральным прокурором Чечни Усманом Имаевым, вместе с которым в Грозный прибыл начальник дудаевского департамента культуры полевой командир Ахмед Закаев. Переговоры начались с требований немедленного освобождения заложников.

В 17.00 стало известно, что достичь каких-либо результатов участникам переговоров не удалось...

«В течение нескольких минут все будет кончено», – говорил Черномырдин после очередного телефонного разговора с Шамилем Басаевым. Вряд ли он сам верил в то, что говорит.

После освобождения заложников в Буденновске, подчеркивал премьер, начнется переговорный процесс между российской правительственной делегацией и представителями чеченских формирований в Грозном. Вместе с тем он старался выглядеть как можно тверже, бросая: «мы не пойдем на то, что противоречит Конституции», а также – «пощады не будет!» (это в отношении террористов). Он отрицал компромиссы с Дудаевым, декларируя, что цели Москвы остаются теми же – разоружение боевиков и определение статуса Чечни в

составе России. Тогда зачем переговоры, если компромиссов не предвидится? Похоже, что в последние сутки захвата больницы вопрос о средствах приобрел наибольшее политическое звучание.

Премьер демонстративно брал инициативу на себя, начав ночью экстренные переговоры. Обещая закончить многомесячную войну. Отдавая – через голову летящего из Канады в Москву верховного главнокомандующего – приказ прекратить боевые действия. Ельцин же из Галифакса грозил бандитам, с которыми «не может быть никаких переговоров». Открыто говорил, что о штурме он заранее условился с Ериным. Ему – в России – вторил Грачев, настаивающий, по сути, на том же самом – силовом – варианте разрешения кризиса.

Два штурма провалились. По словам российских военных, в ходе первого штурма они взяли первый этаж главного здания больницы и захватили бы весь корпус, но неожиданно получили приказ отступать. Приказ отдал Черномырдин.

По возвращении из Галифакса Ельцин не отреагировал на миротворческую инициативу своего премьера. Никак. Не было признаков ни того, что он ее санкционировал, ни того, что действия своего подчиненного он осудил. Президент молчал, а премьер действовал.

Но действовал, будто чего-то опасаясь.

В 13.55 первые группы боевиков под прикрытием живого щита из заложников стали выходить из буденновской больницы и занимать места в подогнанных «Икарусах». Одновременно началась загрузка продовольствия в автобусы и перенесение в рефрижератор тел убитых террористов. Перед началом движения Басаеву, по его требованию, переданы медикаменты и перевязочные материалы. Раненые боевики погружены в автобус со снятыми сиденьями. Их сопровождал врач.

В 16.00 автоколонна с террористами в сопровождении трех машин ГАИ двинулась из Буденновска к селу Стародубское, что в тридцати километрах. Машины ГАИ имели прямую связь с оперативным штабом правительства. С Басаевым была достигнута договоренность, что от Стародубского колонна пойдет без сопровождения. В качестве живого щита в автобусы (в том числе и за руль) сели полторы сотни добровольцев, включая представителей местной администрации, депутатов Федерального собрания, журналистов...

Между тем в телефонном разговоре с Виктором Ериным премьер призывал его вести себя во время движения автобусов с заложниками «пристойно». То есть, по сути, просил не нападать на автобусы.

Действия Черномырдина были беспрецедентно открытыми. В силу российских традиций политики склада Черномырдина вступают на путь столь отчаянной открытости лишь в минуты, когда методы более привычной им «подковерной» (или кабинетной) политики уже не срабатывают. Кого же опасался премьер? Почему просил Ерина вести себя пристойно? Не верил «силовикам»? А они ему вообще подчинялись? По Конституции – нет. Тогда, давая террористам личные гарантии – «как премьер», – он не мог быть уверен, что автобусы с заложниками и террористами не обстреляют по пути. А группе «Альфа» требуется 4–6 секунд, чтобы захватить такой автобус...

Тем не менее Виктор Черномырдин поступил так, как поступил. Хотя ни на один из вышеприведенных вопросов внятного ответа не было. Ясно лишь одно: дискуссии о методах действий в отношении боевиков обнаружили самые серьезные политические расхождения в Москве. И это – лишь развитие разногласий по поводу чеченской политики вообще. Еще зимой Черномырдин впервые – тогда довольно неожиданно – выступил по телевидению, обратившись к россиянам с миротворческой инициативой. Его призывы потонули в грохоте артиллерийских орудий. Тема переговоров в его выступлениях звучала потом еще не раз, и все с тем же успехом, невольно наводя на мысль, что этим предложениям кто-то или что-то противостоит.

Между тем премьер, опасаящийся ревности президента, никогда не хотел, чтобы его линию выделяли в некую отдельную и противопоставляли «силовой линии». Он и в Буденновске старался избежать такого противопоставления. Он не устал напоминать, что консультации с президентом идут чуть ли не непрерывно. Он был подчеркнуто лоялен. Как будто президент – это и есть та самая «силовая линия». А быть может, тот (в своей излюбленной манере) просто оставался над схваткой? Ждал?

Но Черномырдин был в тот момент уже не только премьером правительства Ельцина, но и главой свежее испеченного избирательного блока «Наш дом – Россия» (со дня учредительного съезда едва прошел месяц). Блока, создававшегося прежде всего для того, чтобы предоставить новой российской политической и экономической элите гарантии политической и экономической стабильности. И в этом своем качестве, как и в качестве премьера поставленного Думой под сомнение правительства, Черномырдин был кровно заинтересован в том, чтобы Басаев и заложники доехали до Чечни.

С другой же стороны, подобный исход фактически дезавуировал еще декабрьские возгласы о том, что ни с Дудаевым, ни с дудаевцами разговаривать нечего. Тогда вся чеченская война – зря. Тогда логичным продолжением вопроса об организации в Чечне «свободных выборов» становился такой: а дудаевцы-то на них будут присутствовать? И если будут, кто в Москве возьмет на себя смелость заявить, что они их проиграют?

А президент оставался над схваткой. И вроде бы сохранял шанс занять любую сторону: победит «линия Черномырдина» – так это по его, президента, санкции. Превратится вся акция в кровавое месиво – так он же говорил, что они бандиты. Последнее оправдывало введение ЧП, дающее законную базу для пребывания войск в Чечне. И оставляло руки президенту развязанными на случай, если Дума вынесет вотум недоверия правительству.

Свой выбор делать предстояло и Черномырдину. Он его сделал.

19 июня около 19.00 первый день переговоров в Грозном завершился. Основным результатом – «удалось согласовать круг вопросов, которые предстоит обсудить». Преимущественно это вопросы военного характера. Первый день переговоров был оценен сторонами как позитивный. Предстояло еще несколько.

20 июня Борис Ельцин счел нужным напомнить, что Виктор Черномырдин, приложивший немало сил для разрешения кризиса в Буденновске, действовал под его, президента, неустанным руководством. Во-первых, он с премьером «постоянно поддерживал контакт если не каждые полчаса, то каждый час». Во-вторых, президент отметил, что «не видит ошибок» со стороны премьера.

Видимо, в Кремле сочли, что ситуация созрела до такой степени, когда уже пора, во-первых, вести речь о лаврах, а во-вторых, позаботиться о том, кому они достанутся. Судя по активизации президента (на третий день по приезде из Галифакса), он был не настроен уступить премьеру славу спасителя заложников.

Однако и «во-первых», и «во-вторых» становились возможны лишь в случае, если все кончится благополучно. А на этот счет никто никаких гарантий дать не мог до самого последнего момента. Крайне медленное продвижение колонны с террористами и заложниками до самого вечера сопровождалось всякими неожиданностями. На пути следования то и дело возникали непредвиденные препятствия.

Вечером 19 июня колонна неожиданно развернулась от Северной Осетии в Дагестан. Причины этого назвать не мог никто. Командующий группировкой федеральных сил Анатолий Куликов упорно отказывался предоставить террористам какие-либо гарантии безопасности.

Создавалось впечатление, что силовики на месте развития событий умышленно тянули время и переговоры, удлинляли маршрут следования колонны, словно выжидая чего-то. Приказа? Какого? Источники в ФСБ откровенно намекали, что, по их мнению, подобная тактика

есть не что иное, как подготовка к ночному штурму колонны. Через 10 лет выяснилось, что приказ даже не на штурм – на уничтожение колонны все-таки существовал, но вертолетчики отказались его выполнять.

Все поведение силовиков отдавало нервозностью, импровизацией и неуверенностью. Создавалось впечатление, что они ожидают какого-то ясного указания, «спущенного сверху». Но его-то как раз и не последовало. Неладное почуял и глава террористов Басаев, несколько часов кряду безуспешно добивавшийся близ границы с Чечней письменных гарантий от Куликова, Ерина и Черномырдина. Неожиданно он получил их от первого вице-премьера Олега Сосковца.

В Думе эмоции, характерные для первого дня трагедии, когда нижняя палата единогласно (даже воздержавшихся не было!) проголосовала за возвращение президента из Галифакса, слегка улеглись, сменившись трезвым расчетом. Раздались голоса, что премьеру (столь активно взявшему инициативу на себя) надо дать шанс на реорганизацию правительства.

Между тем рейд террористов Шамиля Басаева закончился возвращением в Чечню. В дороге у одного из автобусов заглох двигатель, и сопровождавший колонну БТР тащил его на буксире, пока двигатель не завелся снова.

В Чечне дорога перешла в горный серпантин, и начались проблемы с автобусами – в них без конца что-то ломалось. Иногда отказывали тормоза, и пассажиры странной колонны боялись просто свалиться в пропасть.

Наконец автобусы приехали в Зантак – большое чеченское село, в котором не было видно никаких признаков войны. Его явно никогда не бомбили и не обстреливали. По улицам ходили гуси и куры, дома стояли добротные, чеченцы с виду не походили на нищих.

На площади в центре села начался стихийный митинг. Чеченцы встречали басаевцев как героев-освободителей. Выступил правозащитник Сергей Ковалев, сопровождавший колонну в качестве добровольного «живого щита». После его выступления чеченцы скандировали: «Ковалев! Ковалев!» Выступил Асламбек – один из младших командиров Басаева, который сказал: «Мы сделали это от отчаяния, мы хотели, чтобы Россия почувствовала, чем пахнет кровь, и мы малой кровью Буденновска хотели предотвратить большую кровь войны!»

Басаев в общей суматохе исчез. Он и его люди стали героями на родине.

А в Буденновске шел другой митинг. Народ требовал, чтобы средства, выделенные на восстановление Чечни, были переданы на восстановление Буденновска.

В Госдуме же назревала буря. Переводя обвинение со стороны парламентариев на язык не столь давних европейских реалий, можно установить, что в 1972 году, когда палестинская организация «Черный сентябрь» захватила в заложники израильских спортсменов на мюнхенской Олимпиаде, вина властей ФРГ была «не меньшей, а может быть, большей», чем у боевиков из «Черного сентября». Про власти Израиля и говорить нечего. Иными словами, всемирно признанный правозащитник не увидел разницы между безусловно подлежащей наказанию халатностью и хладнокровно спланированным покушением на массовое убийство.

Вероятно, сильное впечатление на думцев произвел растиражированный СМИ рассказ Басаева про недавнюю гибель его одиннадцати родственников, приведшую его в отчаяние и толкнувшую на теракт. Правда, когда в 1991 году Басаев захватывал в Минводах пассажирский самолет «Ту-134» с заложниками, а в 1992 году в Кабарде – автобус с пассажирами, когда его Абхазский батальон заливал Сухуми кровью, когда в 1993–1994 годах под его руководством совершались разбои на чеченском участке железной дороги, его родственники пребывали в совершенном здравии и благополучии.

Если конкретный казус так плохо работает на общую концепцию, лучше бы его вообще не поминать. Допустим, что сам Басаев не слишком удачно извинял свое природное зверство злодеяниями Ельцина, Грачева, Ерина etc. Тем не менее логическая связка «жестокость войны – порожденные отчаянием ответные теракты» является безупречной.

Если необходимо полностью или частично оправдать террористов, такая связка необходима.

Если нужно понять ситуацию, объяснение несколько хромает.

Война, начавшаяся в декабре 1994 года, была жестокой, но теракт почему-то произошёл лишь летом 1995-го. Израильская военщина, согласно палестинским источникам, отличалась преступным нравом изначально, но палестинский террор потряс мир лишь в конце шестидесятых, когда израильскому государству шел уже третий десяток. «Старая сука – потребительский капитализм» со всеми его отвратительными грехами давно уже немолод, как следует уже из первого эпитета, но западногерманская RAF[Rote Armee Fraktion (нем.) – Фракция «Красной армии», немецкая леворадикальная террористическая организация городских партизан, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине. Основана в 1968 Андреасом Баадером, Гудрун Энслин, Хорстом Малером, Ульрикой Майнхоф, Ирмгард Мёллер и др. Была названа в честь революционных армий России, Китая и Кубы. Организована по образцу южноамериканских партизанских групп, таких как Тупамарос (Уругвай). Ее участники рассматривали свою деятельность как городскую партизанскую войну, направленную против государственного аппарата и класса буржуазии. Ответственна за совершение 34 убийств, серии банковских налетов, взрывов военных и гражданских учреждений и покушений на высокопоставленных лиц. История организации, которую также называют объединением (нем. Vereinigung), насчитывает 4 поколения. В 1998 году она официально заявила о самороспуске.] и «Красные бригады»[Brigate Rosse (итал., часто использовалась аббревиатура BR, – подпольная леворадикальная организация, действовавшая в Италии. Была основана в 1970 году. Сочетала методы городской партизанской войны с ненасильственными методами – пропагандой, созданием полулегальных организаций на заводах и в университетах. «Красные бригады» ставили своей целью создание революционного государства в результате вооруженной борьбы и отсоединение Италии от альянса западных государств, в том числе от блока НАТО. Численность «Красных бригад» доходила до 25 тыс. человек, занятых различной деятельностью, как партизанской, так и полулегальной, обеспечивавшей функционирование боевых групп. В 1980-х годах группа была практически полностью разгромлена усилиями итальянских правоохранительных органов, существенную помощь которым оказали арестованные члены группировки, содействовавшие розыску остающихся на свободе товарищей в обмен на снисхождение при привлечении к ответственности.] явились лишь в начале семидесятых. Причина проста: терроризм есть ответ не на жестокость, а на победу противника. Израиль победил в Шестидневной войне арабов, устами своих официальных лидеров призывавших сбросить евреев в море, – и тут же на свет Божий явились и палестинский терроризм, и омерзительный образ израильской военщины. RAF и «Красные бригады», виновные в гибели сотен жертв, в то же время имели на своем счету одного-единственного мученика – убитого в драке с западноберлинской полицией студента-левака Руди Дучке, так сказать, левого Хорста Весселя. Но и их можно понять: дух 1968 года, суливший, казалось бы, полное обновление прогнившего западного мира, стремительно улетучивался, «старая сука – потребительский капитализм» выстоял, и, «будучи реалистами – требуя невозможного», новым левым только и оставалось, что рвать бомбы и похищать министров.

Теракт в Буденновске пришелся на момент, когда российские войска добивали последние чеченские бандформирования, и логично предположить, что и в Чечне действовала та же универсальная закономерность. Но если бы Грачев не оказался бахвалом и российская армия в самом деле захватила бы Чечню безо всяких жестокостей и разрушений, хирургиче-

ски точным ударом в темпе Шестидневной войны 1967 года в Израиле, а чеченский терроризм, объясняемый преступлениями российской военщины, явился бы на полгода раньше, – неужто обворожительный Басаев и тогда не нашел бы, что рассказать благосклонной аудитории?

Отсутствие даже теоретической модели правильного поведения показывает, что ситуация была безвыходной, но в подобных случаях дистанция между идиотом и гением стирается. Все получилось так плохо не по причине некомпетентности властей (хотя и она совершенно непохвальна), а потому, что политический террор – это дьявольское изобретение, благодаря которому государство оказывается в клещах невыносимой антиномии. Государство не имеет права отказаться от защиты попавших в беду граждан, и в то же время государство не имеет права на самоупразднение, а именно этой платы террористы требуют за спасение заложников.

Вместо того «стокгольмский синдром» [Stockholm Syndrome (*англ.*) – взаимная или односторонняя симпатия, возникающая между жертвой и агрессором в процессе захвата и применения, или угрозы применения, насилия. Под воздействием сильного шока заложники начинают сочувствовать своим захватчикам, оправдывать их действия и в конечном итоге отождествлять себя с ними, перенимая их идеи и считая свою жертву необходимой для достижения «общей» цели. Вследствие видимой парадоксальности психологического феномена, термин «стокгольмский синдром» стал широко популярен и приобрел много синонимов: известны такие наименования как «синдром идентификации заложника» (Hostage Identification Syndrome), «синдром здравого смысла» (Common Sense Syndrome), «стокгольмский фактор» (Stockholm Factor), «синдром выживания заложника» (Hostage Survival Syndrome) и др. Авторство термина «стокгольмский синдром» приписывают криминалисту Нильсу Бейероту (Nils Bejerot), который ввел его во время анализа ситуации, возникшей в Стокгольме во время захвата заложников в августе 1973 года. Механизм психологической защиты, лежащий в основе стокгольмского синдрома, был впервые описан Анной Фрейд (Anna Freud) в 1936 году, когда и получил название «идентификация с агрессором».] овладел не только заложниками, но также общественностью и СМИ. Последние преуспели в передаче зрителям и слушателям всего того ужаса, который переживают жертвы Басаева, вынужденные идентифицировать себя со своим палачом. Но, используя все средства «телевизионной реальности» для показа одной стороны антиномии – «необходимо спасать людей», – СМИ совершенно безмолвствовали о другой ее стороне: «необходимо спасать то, без чего вообще невозможно будет спасать людей в будущем, то есть государство, волю которому не может диктовать горстка решительных негодяев».

У зрителя создавалось впечатление, что упорство властей объясняется не безвыходностью ситуации, но всего лишь тупым упрямством или хуже того – природной склонностью к пролитию крови.

Прямая трансляция из буденновской больницы оправдала в глазах общественности лишь Виктора Черномырдина, вступившего в диалог с Шамилем Басаевым. Премьер-министр принял тогда совершенно человеческое, всем понятное решение: у него была возможность действовать, и он действовал. У телезрителей такой возможности не было, и, помня лица буденновских заложников, вряд ли кто-то из них хладнокровно рассуждал, может ли уважающий себя государственный деятель вести переговоры с бандитами. Правда, неясно, чему больше способствовала телетрансляция – успешному освобождению людей или славе Басаева.

Донося в самый разгар буденновского кризиса лишь выгодную для Басаева точку зрения и ломая волю общества, СМИ лишь через несколько дней, когда все было кончено, вспомнили о втором аспекте проблемы: один освобожденный заложник обернется в ближайшем будущем десятком новых – и виноватым во всем оказалось то же самое правительство.

Когда пресса считает себя вправе объективно содействовать террористам, а затем обвинять правительство в том, что ее, прессы, объективное содействие принесло плоды и террористы победили, вряд ли стоит так сильно обижаться на действительно хамские нападки на СМИ со стороны властей – как института в целом, так и отдельных его представителей. Хамство прискорбно, но безответственность – не менее.

Десакрализация государства, то есть присвоение ему скромных функций ночного сторожа и социального защитника, породило соответствующее потребительское отношение к этому государству, при котором сама мысль о том, что государственность может требовать жертв, представляется совершенно неуместной. Оно было бы хорошо, если бы никакой надобности в жертвах и вправду не было.

Еще большее негодование вызывает «налог кровью», то есть воинская повинность: чего ради отдавать свою жизнь за ночного сторожа? Терроризм же бьет по самому уязвимому: в государстве, где любая повинность уже воспринимается как досадная обуза, вдруг возникает ситуация, когда нужно либо идти на весьма высокий риск гибели ни в чем не повинных мирных людей, либо упразднить государство.

Запад спасся мучительной и стоившей немалой крови переоценкой ценностей: выяснилось, что государство не совсем «ночной сторож», а вместо афоризма прогрессивного философа Бертрана Рассела «лучше быть красным, чем мертвым» популярность приобрела фраза рейгановского госсекретаря Александра Хейга: «есть вещи поважнее, чем мир».

...Меж тем в Грозном продолжались мирные переговоры, начатые еще 19 июня. Виктор Черномырдин оставался едва ли не единственным представителем высшего руководства России, который не только говорил о необходимости мирного урегулирования чеченского конфликта, но и постоянно подталкивал своих подчиненных к практическим шагам в этом направлении. Свою решимость довести до конца начатый диалог премьер демонстрировал, заявляя журналистам о готовности лично принять участие в мирных переговорах. На следующий день он вновь подтвердил свою готовность, в течение двух с половиной часов беседуя с членами правительственной делегации на чеченских переговорах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.